

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
International Scientific Analytical Project

№ 12 Liberal* | January 2017

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Marina Zheltukhina (Russia), Alexandra Zalevskaya (Russia), Daniela Grava (Italy), Elena Kosykh (Russia), Galina Kontsevaya (Belarus), Maria Shemyakina (Russia), Mehmed Jemal (Turkey), Tetyana Kovalevskaya (Ukraine), Yuliana Pykhtina (Russia), Zamira Derbisheva (Kyrgyzstan)

GISAP: Philological Sciences №12 Liberal* (January 2017)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2017 IASHE

ISSN 2053-1532
ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Alexander Stadnichenko, Anastasia Onyskiv, Inna Shekina, Yury Skoblikov

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

V. Dorda, O. Nazarenko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> IS AMERICAN STUDENT SLANG OUT-OF-DATE?.....	3
I.K. Kobyakova, S.V. Baranova, V.A. Matuzka , <i>Sumy State University, Ukraine</i> STRUCTURAL PATTERNS OF PHRASEOLOGICAL UNITS USED TO DENOTE THE PERSONAL CHARACTER.....	6
A.V. Kovalevskaya , <i>National University «Odessa Law Academy», Odessa, Ukraine</i> INFORMATION WARFARE: CLASSIFICATION OF SUGGESTIVE SPECIFICITY.....	10
D. Hamze , <i>Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria</i> LINGUO-TRANSFORMATIVE FUNCTION OF THE GROTESQUE AS A STIMULUS FOR DEVELOPMENT OF INTERPERSONAL RELATIONS.....	15
M.A. Balasanyan , <i>Samtskhe-Javakheti State University, Georgia</i> THE ISSUE OF THE SYMBOLIC SYSTEM IN THE SEMIOTIC ASPECT.....	29
N.N. Ababilova , <i>Nikolaev National University named after V.A. Sukhomlinsky, Ukraine</i> ON THE ISSUE OF TRANSLATION EQUIVALENCE.....	31
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> F. DE SAUSSURE AND SOME PROBLEMS OF PSYCHO-LINGUISTICS.....	33
E. Kosykh , <i>Altai State Pedagogical University, Russia</i> DEED OF GIFT (INSCRIPTION) IN THE SPEECH BEHAVIOUR OF HOMO SCRIBENS.....	37
I.F. Loshchenova, K.A. Shapochka, I.V. Usachenko, F.O. Loshchenov , <i>The Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine</i> PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH ECONOMIC TERMS INTO UKRAINIAN.....	40

CONTENTS

V. Dorda, O. Nazarenko, <i>Sumy State University, Ukraine</i> IS AMERICAN STUDENT SLANG OUT-OF-DATE?.....	3
I.K. Kobyakova, S.V. Baranova, V.A. Matuzka, <i>Sumy State University, Ukraine</i> STRUCTURAL PATTERNS OF PHRASEOLOGICAL UNITS USED TO DENOTE THE PERSONAL CHARACTER.....	6
Ковалевская А.В., <i>Национальный университет «Одесская юридическая академия», Одесса, Украина</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: КЛАССИФИКАЦИЯ СУГГЕСТИВНОЙ СПЕЦИФИКИ.....	10
Хамзе, Д.Г., <i>Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария</i> ЛИНГВОТРАНСФОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГРОТЕСКА КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	15
Баласаниян М.А., <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> О ВОПРОСЕ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	29
Абабилова Н.Н., <i>Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского, Украина</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ.....	31
Залевская А.А., <i>Тверской государственный университет, Россия</i> Ф. ДЕ СОССЮР И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ.....	33
Косых Е., <i>Алтайский государственный педагогический университет, Россия</i> ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ (ИНСКРИПТ) В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ НОМО SCRIBENS.....	37
I.F. Loshchenova, K.A. Shapochka, I.V. Usachenko, F.O. Loshchenov, <i>The Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine</i> PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH ECONOMIC TERMS INTO UKRAINIAN.....	40

IS AMERICAN STUDENT SLANG OUT-OF-DATE?

V. Dorda, Candidate of Philology, Associate Professor
O. Nazarenko, Lecturer
Sumy State University, Ukraine

The article is focused on evolution of sources of the American student slang and its role in enlarging the vocabulary of Standard English. The authors analyse the scholars' works written in the last century in terms of their relevance at this point in time. Informal English and Standard English have much in common regarding the development process, and the issue of their fruitful coexistence is a unique area for linguistic research.

Keywords: slang, student/college slang, social group, sources, origin, Standard English.

Conference participants,
National championship in scientific analytics

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1584>

Everyone has an idea what slang is, but thoughts of any two people on this subject are likely to be different, and there has been much controversial research on this topic.

While there are a number of excellent collections of American slang – the best and most comprehensive is Chapman's [4] revision and extension of Wentworth and Flexner's dictionary [12]; Partridge [9], whose name is most prominently associated with collections of slang, gives some attention to American as well as British student/college slang – the topic has been poorly studied by English and American linguists, despite a recent surge of interest in theoretical approaches to the lexicon. The single exception to this generalization is the work of Connie Eble of the University of North Carolina, who published a new paper on the slang used by U.N.C. students almost every year [7], and edited *College Slang 101* [6], a short textbook on slang. Among Ukrainian scholars dealing with the topic of slang we can single out Y. Zatsny [2], U. Potyatynnyk [3], V. Balabin [1] and others. Now, when the English language is developing at huge speed, taking into account the emergence of new words almost every day on such resources like *Word Spy* [14] or *OxfordDictionaries.com* [10], we cannot ignore the role of student slang in forming the Standard English.

Defining slang, and college slang in particular, is not as easy as it may seem. Initially one may feel that slang is simply "not proper English" or just whatever is not there in a standard dictionary. Following a number of authorities (especially Dumas and Lighter [5]), however, we claim that a number of

categories of words that might fit these criteria should not be included to the list of college slang: we thus do not consider substandard expressions like *ain't*, regional or "dialect" expressions, and baby talk words like *doggie*, for example, to be slang. The residue of nonstandard language, however, includes not only true slang, but also informal or colloquial language – the sort of words and expressions that anyone might use in conversation or a letter, but that would be out of place in a speech or formal essay.

Most authorities conclude that slang is the language means used to mark the user as a part of a distinct social group, and we have used this criterion in deciding what expressions qualify as college slang. We have usually tried not to investigate informal or colloquial expressions that would be familiar, in the same form and with the same meaning, to any English speaker, but have included mainly expressions that are used by the American college students in general. A few words in our research, however, have almost exactly the same definition with which they would be listed in a standard dictionary: two examples are *inebriated* 'drunk' and *strumpet* 'slut'. Such words are considered to be "revivals" – words that we feel are not in common colloquial use among the general population, being used in the students' vocabulary.

A category of words that is often confused with slang is jargon: the specialized vocabulary of a particular group. While words which begin as jargon (in California, for instance, surfers' jargon) sometimes may be transferred to the general slang

vocabulary of ordinary speakers, we have tried to eliminate true jargon from our research (there is a sense, of course, in which many of the words on our list could be considered student jargon, since they refer to test-taking and other activities not usually practiced by the general population).

The slang expressions come from a variety of sources. Many are derived directly from the standard vocabulary with little or no change in meaning: they may be revivals of old standard words that are no longer in general use (like *strumpet*, discussed above) or new uses of standard words or earlier slang expressions. For instance, earlier slang *bug* 'to annoy', a transitive verb, has given rise to an intransitive verb meaning 'to be annoying'; standard informal *chow* 'food' becomes a verb 'to eat'; standard *perpetrate* 'to commit (an offense)' can now be used to mean 'to act fraudulently' (detransitivization of standard transitive verbs proves to be particularly common in the student slang). Other slang expressions have completely new definitions for standard words, such as *grovel* 'to make out', or *wrap* 'girlfriend'.

Metaphors play a role in the development of slang vocabulary. For instance, many college slang words for 'drunk' derive from standard words meaning 'destroyed' or 'torn': examples include *blasted*, *blitzed*, *bombed*, *ripped*, *shredded*, *slaughtered*, and *tattered*. Traditional sources frequently note that slang vocabulary is exceptionally "vivid": we interpret this comment to refer simply to the fact that slang often makes use of novel metaphors. *Blow chunks* initially seems

like a disturbingly colourful way to say 'to vomit', yet the literal meaning of this expression is almost the same as the colloquial *throw up*: the difference is that because we have heard throw up so many times it has lost its power to shock. Many metaphorical expressions in college slang are irreverent – for instance, *Einstein* 'pubic hair' is inspired by the great physicist's wild, curly hair. Some slang words are puns – *Babylon*, for instance, is the place where attractive females (babes) come from, and thus may be pronounced like "baby lawn" as well as in the expected way.

A number of words are derived by what Eble has called "acronymy" [7, p. 24]: we understand this term to mean the use of initials in forming new expressions. A true acronym, of course, is a set of initials pronounced like an ordinary word (like *NATO*, the North Atlantic Treaty Organization). Our study includes only a few true acronyms, like *SNAG* 'nice guy' (from *sensitive new-age guy*), and some other expressions which are based on partial acronyms, such as *beemer* 'B.M.W. car.' But there are many other acronymic expressions in student slang consisting of initials pronounced separately, such as M.O.S. 'member of the opposite sex' or S.O.L. 'out of luck' (from *shit out of luck*). As the last example indicates, acronymy is often employed euphemistically. In the dictionary of college slang *Slang-U* by P. Munro [11], the author has followed the convention of writing initials pronounced separately with periods (but no spaces) between them: sequences of initials pronounced as complete words are written without periods.

Another common source for slang expressions is clipping, the shortening of standard words. Often this involves simply dropping a part (usually the end) of a word: *def* comes from 'definite' or 'definitely'; *ob* is from 'obvious' or 'obviously'; *veg* is from 'vegetate'. *Dis* 'be mean to' is an unusual case, from which everything has been clipped except the negative prefix *dis-*: it's not even clear what the source of this word is – 'disregard' or 'disrespect' or 'disappoint'. Sometimes more than

one clipped word may be combined, as in *sped* 'slow, stupid person' (from *special education*). Other items on the list are blends of two separate slang or standard words, like *dimbo* 'dumb bimbo' and *gork* 'loser', an apparent blend of the slang words 'geek' and 'dork'.

Still other new slang words are formed from both standard and slang words by regular English derivational processes. For instance, *-ette* is suffixed to create feminine forms of *stud* 'person who has done something outstanding; conceited person' and, perhaps more surprisingly, *mazeh* 'gorgeous guy', a word based on a Hebrew expression (and reportedly coined by former Hebrew school students). The adjectival suffix *-y* combines with *suck* 'to be bad' to form *sucky* 'awful'. The negative prefix *un-* plus the familiar slang word *cool* 'very good, excellent' yields *uncool* 'not good, unfair, tactless'. Compounding is also a common source of slang vocabulary, as words like *beauhunk* 'boyfriend', *brainfart* '(exclamation used about a sudden loss of memory or train of thought)', and *studmuffin* 'strong, muscular person; cute person, achiever' illustrate.

Another process that operates in the development of slang vocabulary (and helps it mystify outsiders) is the ironic use of a word to indicate its semantic opposite [2, p.116]. The slang use of *bad* to mean 'good' is well-known; our research also includes such examples as *mental giant* 'unintelligent person', pretty 'ridiculous', and *Yeah, right!* 'I don't believe you!' Often such new uses originate with heavy sarcastic intonation, but when the new meaning gains acceptance, this special intonation is no longer required. A number of words of college slang have two dramatically different meanings, of which the negative one is original: *badass* 'very good' / 'bad', deadly 'very good' / 'very bad', *killer* 'fantastic' / 'bad', wicked 'excellent' / 'bad'.

As Eble observed, many student slang expressions correlated with popular culture, with movies in particular [7, p.34]. Examples on our list include *Sally* 'meticulous person' (from *When Harry Met Sally*, 1989), *Heather*

'superficial girl' (from *Heathers*, 1989), *bushbitch* 'ugly girl' (from *Eddie Murphy Raw*, 1987), *have missile lock* 'to concentrate on or make a target of someone' (from *Top Gun*, 1986), *McFly* 'person with no intelligence' (from George McFly, a character in *Back to the Future*, 1985), and *slip (someone) the hot beef injection* 'to have sex with (someone)' (from *The Breakfast Club*, 1985). Most such expressions came from the media of the middle to late 1980s, but others persist from earlier periods: *bodacious tatas* 'breasts' is from *An Officer and a Gentleman* (1982); *ralph* 'penis' is from Judy Blume's book *Forever* (1975). Expressions relating to old cartoon shows endure especially well: these include *wilma* 'ugly woman' and other expressions based on "The Flintstones," *scoob* 'to eat, have some food (especially snacks)' (from "Scooby Doo"), and *Magoo* 'old man slowly driving a car' (from "Mr. Magoo").

This correlation is still productive. The term *nuke the fridge* was coined in 2008 "in the wake of 'Indiana Jones the Kingdom of the Crystal Skull,' in which Indy survives an atomic bomb blast by hiding in a refrigerator. *The Spielberg face*, which refers to director Steven Spielberg, was coined last year by Kevin B. Lee who compiled a video essay of these close-up shots of actors with "eyes open, staring in wordless wonder in a moment where time stands still," a look that "has come to be shorthand for a cinematic discovery on the part of the characters and the audience [13].

Slang words allude not only to popular culture but also to classical mythology. Cf. *adonis* 'extremely nice-looking [of a male]; extremely nice-looking young man' and *nectar* 'alcoholic beverage; outstanding'. *Carpe diem!* 'Go for it!' is a mixture of modern and classical: the Latin phrase for 'Seize the day!' was introduced to today's students in the 1989 movie *Dead Poets Society*.

Chapman's dictionary reveals that Black English is an extremely important source of slang expressions. This is obvious with expressions like *homeboy*, which are popularly

identified with black culture; our citations from Chapman show that many other expressions, such as *boss* 'great', *ripped* 'drunk', and kick back 'to relax', also come from Black English. Real or imagined Black English pronunciation is responsible for other items, such as *ho* (from *whore*) and *thang* (from *thing*).

In addition to words like those discussed above, whose etymology is fairly clear, our list also includes some completely new words that do not appear in any form in standard dictionaries or in collections of slang such as Chapman's. Some examples from our list include *foof* 'superficial person', *Yar!* 'Good!', and *zuke* 'to vomit'. As Maurer and High observe, such "true neologisms" are the rarest source of new additions to vocabulary [8, p.191].

Slang words come and go. Some slang expressions are no longer recognized by speakers just a few years later, other slang words come to be accepted as standard language, while still others persist as slang for many years. Hence, the answer to the question in the article title is definitely negative. American student slang is not only the productive source of Standard English, but also a wide field of linguistics to be researched and studied.

References:

1. Balabín V.V. Suchasniy amerikans'kiy vís'koviy sleng yak problema perekladu [Modern American military slang as a problem of translation]. – Kiev., Logos, 2002. – 313 p.
2. Zatsniy YU.A. Rozvitok slovnkovogo skladu suchasnoï anglís'koï movi [The development of modern English vocabulary]. – Zaporizhzhya., Zaporiz'kiy state un-ty, 1998. – 430 p.
3. Potyatinnik U.O. Sotsiolíngvístichní ta pragmastilístichní aspekti funktsíonuvannya slengovoï leksiki (na materiálakh periódiki SSHA). – Dis. ... kand. filol. nauk, 10.02.04. [Pragmastylistic and sociolinguistic aspects of slang vocabulary (based on US periodicals). – Thesis by the Candidate of Philology, 10.02.04]ю – L'viv., 2003. – 246 p.

4. Chapman, Robert L. New Dictionary of American Slang. – New York., Harper&Row, 1986. – 485 p.
5. Dumas, Bethany K., and Jonathan Lighter. Is Slang a Word for Linguistics? American Speech 53 (1978), pp. 5-16. <https://doi.org/10.2307/455336>
6. Eble C. College Slang 101. – Georgetown., CT: Spectacle Lane Press, 1989. – 208 p. <https://doi.org/10.1075/veaw.g16.15eb1>
7. Eble C. Slang and Sociability: in-group language among college students. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1996. – 228 p.
8. Maurer, David W., and Ellesa Clay High. New Words – Where Do They Come From and Where Do they Go? American Speech 55 (1980): pp. 184-194. <https://doi.org/10.2307/455083>
9. Partridge E. Usage and Abuse. – Penguin Books, 1973. – 380 p. <https://doi.org/10.2307/3040460>
10. Recent updates to Oxford Dictionaries (2015)., Oxford University Press., Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/words/what-s-new>
11. Slang U. The Official Dictionary of College Slang. Compiled by P. Munro. – Harmony Books. – New York., 1991. – 244 p.
12. Wentworth, Harold, and Stuart Berg Flexner. Dictionary of American Slang. – New York., Thomas Y. Crowell, 1975. – 669 p. <https://doi.org/10.2307/538189>
13. Word Soup: Movie Words (2016)., Access mode: <http://blog.wordnik.com/word-soup-movie-words>
14. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words (2016)., Access mode: <http://www.wordspy.com>

Литература:

1. Балабін В.В. Сучасний американський військовий сленг як проблема перекладу. – Київ., Логос, 2002. – 313 с.
2. Зацний Ю.А. Розвиток словникового складу сучасної англійської мови. – Запоріжжя., Запорізький держ.ун-т, 1998. – 430 с.
3. Потятинник У.О. Соціолінгвістичні та прагматистичні аспекти функціонування сленгової

лексики (на матеріалах періодики США). – Дис. ... канд. філол. наук, 10.02.04. – Львів., 2003. – 246 с.

4. Chapman, Robert L. New Dictionary of American Slang. – New York., Harper&Row, 1986. – 485 p.
5. Dumas, Bethany K., and Jonathan Lighter. Is Slang a Word for Linguistics? American Speech 53 (1978), pp. 5-16. <https://doi.org/10.2307/455336>
6. Eble C. College Slang 101. – Georgetown., CT: Spectacle Lane Press, 1989. – 208 p. <https://doi.org/10.1075/veaw.g16.15eb1>
7. Eble C. Slang and Sociability: in-group language among college students. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1996. – 228 p.
8. Maurer, David W., and Ellesa Clay High. New Words – Where Do They Come From and Where Do they Go? American Speech 55 (1980): pp. 184-194. <https://doi.org/10.2307/455083>
9. Partridge E. Usage and Abuse. – Penguin Books, 1973. – 380 p. <https://doi.org/10.2307/3040460>
10. Recent updates to Oxford Dictionaries (2015)., Oxford University Press., Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/words/what-s-new>
11. Slang U. The Official Dictionary of College Slang. Compiled by P. Munro. – Harmony Books. – New York., 1991. – 244 p.
12. Wentworth, Harold, and Stuart Berg Flexner. Dictionary of American Slang. – New York: Thomas Y. Crowell, 1975. – 669 p. <https://doi.org/10.2307/538189>
13. Word Soup: Movie Words (2016)., Access mode: <http://blog.wordnik.com/word-soup-movie-words>
14. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words (2016)., Access mode: <http://www.wordspy.com>

Information about author:

1. Olena Nazarenko – Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: hapushka@rambler.ru
2. Vitaliy Dorda – Candidate of Philology, Associate Professor, State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: vido@ukr.net

STRUCTURAL PATTERNS OF PHRASEOLOGICAL UNITS USED TO DENOTE THE PERSONAL CHARACTER

I.K. Kobyakova, Candidate of Philology, Full Professor
S.V. Baranova, Candidate of Philology, Associate Professor
V.A. Matuzka, Student
Sumy State University, Ukraine

The paper deals with the phraseological units denoting the personal character in English. Special attention is paid to substantive word groups. Their structural patterns are distinguished, variations in composition and meaning are analysed.

Keywords: phraseological units, substantive phraseological units, pattern, structure, constituents, relations, head word, adjunct, personal character, personality trait.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1585>

The language habits and behaviour of a person have been investigated by linguistics and the theory of communication for the last two decades [1]. The emotional state [3; 4] and manners of interaction [5] have been in the focus of attention. Another aspect is represented by the means of verbalizing the traits of the human character.

Each language has its own peculiarities in phonetics, grammar, lexicology and phraseology [2]. The substantive idioms that denote personality traits are the subject matter of this paper. Substantive phraseological units are word groups that are functionally associated with a noun, i.e. word groups with a headword expressed by a noun.

The following subgroups among substantive phraseological units semantically oriented to the character of the person are distinguished:

1. The subgroup with the structural pattern Adjective + Noun and attributive relations between the components: *a tough customer, yellow dog*.

*And remember, I don't want a fortunate thing for this – only a good price. There are a lot of **tame cats** who mightn't follow the new man around (Cronin A.J. «The Citadel»).*

In this example the man who can be easily influenced by someone else is mentioned.

The subgroup characterized by the constant and variable dependence of components. In English there are such lexical variants:

a) interchangeable nouns: *easy game (mark, pray)*;

b) interchangeable adjectives: *good (clear) conscience*;

*...talking of the dead with a regretful cheerfulness, relating old examples of his character, smiling at them with a **good conscience**: and when the day of the funeral came round, doing the honors with exact propriety (Stevenson R.L. «Master of Ballantrae»).*

*... watched it, as was fit, the while he worked; ate it at the fit hour; was in all things served and waited on; and could take his hire in the end with a **clear conscience**, telling himself the mystery was performed duly, the beards rightfully braided, and we (in spite of ourselves) correctly served (Stevenson R.L. «In the South Seas»).*

Interchange of adjectives *good/clear* meaning the *integrity/conscience* can be traced in the sentences.

Among grammatical variants of the substantive phraseological units there is replacement of an attribute expressed by a noun in the Genitive Case by a prepositional noun attribute, for example: *a stony heart – a heart of stone; iron will – a will of iron*. There are several cases with proper names as a head word in English: *a smart Aleck, a gay Lothario*.

In the idioms adjectives in different degrees of comparison can be found. This phenomenon is typical of the English language: *the older Adam, the worst mixer*.

- *It's nice not to be dependent on them.*

- ***The worst mixer** in the world. But you, I should have thought (Galsworthy J. «Flowering Wilderness»).*

The example uses the superlative degree of comparison of the adjective *bad* to point to an unsociable person. On the basis of the idiom *a bad mixer* we get a new one – *the worst mixer*.

It is a prepositive attributive type with the adjoinment that is characteristic of English. There are two subgroups within it:

1) adjective-nominal in which an adjunct is expressed by a qualitative adjective without morphological markers (*yellow dog*);

2) numeral-nominal (*second fiddle*).

In English contextual extension of the adjective takes place, that does not concern the whole substantive phraseological unit but its headword. In the following example the occasional extension is combined with the formation of a sustained metaphor.

*All things therefore seemed to point to this: that I was slowly losing hold of my **original and better self**, and becoming slowly incorporated with my second and worse (Stevenson R.L. «The strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde»).*

2. The subgroup with the structural pattern Noun + Noun. In this combination the second component can be extended by a prepositive adjective or noun in the Genitive Case (*the girl next door*).

The combination Noun (Pronoun) + own + Noun is also typical of English:

*If I play my card well, I can get some old woman to me back and go into management. One's got to be **one's own master**. That's the only way to make a packet (Maugham W. S. «Theatre»).*

In this example the phraseological unit *one's own master* means the independence of an individual. Substantive phraseological units of the English language are characterized by a prepositive attributive type of adjoinment to a substantive-nominal group. About 50 % of the substantive phraseological units of this structural subgroup that

are semantically oriented to the human nature are combinations with a proper name, functioning as a headword and a dependent component: *Jack Homer; a Miss Nancy*. Accordingly, in this subgroup substantive phraseological units with the constant dependence of components are prevalent. The proper names as constituents of an idiom are a specific feature of English substantive phraseological units.

But it was delicious sin, and she did not deny her eyes. In vain Mrs. Grundy admonished her. The pagan in her, original sin, and all nature urged on her (London J. «The Game»).

The proper name *Mrs. Grundy* refers to a person from the point of view of the generally accepted norms of decency.

3. The subgroup Noun + preposition + Noun. The English substantive phraseological units are characterized by an attributive prepositional type with postposition and adjoinment. In some cases there is extension of the second noun through an adjective or noun in the Genitive Case (*wolf in sheep's clothing, knight in shining armour*).

She took my hand and led me to the foot of the hummock: "Here's your knight in shining armour" (Fowles J. «The Magus»).

This example describes the so-called prince on a white horse denoting the image of a guy in girl's dreams.

There may be a change in the number form of the first component both from singular to plural, and vice versa (*baby in the wood – children in the wood, pests of society – pest of society*).

...And just look what he called me, a heartless scoundrel – me, the best – hearted man, what ever lived – a pest of society and a danger to the public (Maugham W. S. «The Round Dozen»).

A *pest of society* shows such feature of the character as human sponging.

English is characterized by the use of such prepositions as *of, in, about, at, on* in the units under investigation.

When the preposition *of* is used, a head word is an object or phenomenon that has attributive or attributive-objective relations to the adjunct. Most of the substantive phraseological units are motivated. Among the analyzed substantive phraseological units the

following subtypes can be distinguished:

a) with ahead word referring to the person that has the quality denoted by an adjunct: *a gentleman of fortune, child of nature*.

She felt that he wanted her to be a child of nature. That suited her very well (Maugham W. S. «Theatre»).

This idiom nominates a playful, extremely friendly and quite mischievous person;

b) with a head word denoting a feature, characterising a person or an object expressed by the adjunct: *presence of mind*.

She was indeed so taken aback that she had not the presence of mind to deny it (Maugham W. S. «Theatre»).

This example shows the ability of an individual to remain calm, and take quick and reasonable actions;

c) with a head word expressing the whole thing, an adjunct – a part of the whole: *the baby of the family*;

d) with a head word designating an object, the adjunct – its content: *the ball of fire, bowels of mercy, bundle of nerves*.

At least it would be a face worth seeing: the face of a man who was without bowels of mercy: a face but which had to show itself to raise up in the mind of the unimpressionable Enfield, a spirit of enduring hatred (Stevenson R. L. «The strange case»).

This idiom emphasizes such personal feature as the capacity for mercy.

When the preposition *in* is used a head noun denotes an object that is in attributive-spatial relations to an adjunct. In this subgroup there are several subtypes:

a) with a head word denoting the person or thing that are limited by a place or space designated by an adjunct: *cat in pan, the man in the street*.

I shall always be grateful to Albert because he keeps me in contact with the man in the street. (Maugham W. S. «The Creative Impulse»);

b) with a head word naming an action; an adjunct – the place of this action being performed: *fire in the blood*. Other prepositions are rarely used: *about* (*man about town, hair about heel*), *on* (*Johnny on the spot*), *at* (*the man at the wheel*).

He never attempted to play, anyone but he himself specialized in men about

town, gentlemanly gamblers, gold and young scamps with a good side to them (Maugham W. S. «Theatre»).

The example indicates the popularity of a man who is constantly in the spotlight, fashionable identity.

4. The subgroup Noun + and +Noun.

This subtype is characterized by coordinate connection and constant dependence of components in the majority of cases. Morphological invariability is inherent in most coordinate substantive phraseological units. Two-member units of the English language semantically oriented to the person's character can have both components in the singular (*David and Jonathan*) or in the plural (*stocks and stones*) forms.

Among the substantive phraseological units semantically oriented to the personality traits this structural pattern is commoner in the English language. Sometimes in English one can observe variation of the preposition, e.g. *a stick or a stone – a stick and a stone*.

Insidiously, and by remote ways, as well as by the power of stick and stone and clout of hand, were the shackles of White Fang's bondage being riveted upon him (London J. «White Fang»).

"Why couldn't you leave me alone?"

"Hang it all, I'm not a stick or a stone" (Maugham W. S. «The Painted Veil»).

5. The subgroup Participle I (II) + Noun.

English substantive phraseological units belong to a participial-nominal group of a prepositive attributive type with adjoinment (*rolling stone, broken reed*).

To Caroline's extreme annoyance, she has not been able to find out anything about him, except that he is a foreigner. The Intelligence Corps has proved a broken reed (Christie A. «The Murder of Roger Ackroyd»).

The phraseological unit *a broken reed* indicates such feature of human nature as unreliability. Thus, we have found a number of characteristic features in the structural organization of the substantive phraseological units to describe the human nature in the English language. The commonest structural pattern is the combination Adjective + Noun. The

less frequent patterns are Noun + preposition + Noun, and Participle I(II) + Noun. English is also characterized by the use of proper names as constituents of the units under investigation.

References:

1. Kobyakova I.K. Implementation of Linguo-Creative Function in Jokes., I.K. Kobyakova., GISAP: Philological Sciences. – London., International Academy of Science and Higher Education London (United Kindom). – 2015., No. 8., pp. 23-25. <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.952>
2. Svachko S.O. Verbal-and-Creative Tendencies of Denumeral Formations., S.O. Svachko, I.K. Kobyakova, S.V. Baranova et al., British Journal of Science, Education and Culture. – No. 1. (5), Vol. I. – London., London University Press, 2014., pp. 147-152.
3. Baranova S.V. Leksychni odynitsi na poznachennya emotsiy v anhlomovnomu politychnomu dyskursi [Lexical units denoting emotions in the English political discourse], S.V. Baranova, K.V. Bykova, V.S. Pedko., Aktual'ni problemi romano-germans'koï filologii ta prikladnoi lingvistiki: naukovi zhurnal. [Current problems of Romano-Germanic Philology and Applied Linguistics: scientific journal]. – Chernivtsi., Publishing house «RODOVID». – 2014., Issue. 8., No. 3., pp. 3-9.
4. Baranova S.V. Paradyhmатycheskaya hruppa émotsyy v anhlayskom yazyke [Paradigmatic group of emotions in English], S.V. Baranova, E.V. Bykova., Élektronnyy peryodychesky nauchnyy zhurnal [Electronic scientific periodical] «SCI-ARTICLE.RU». – 2014., No. 5 (January) pp. 179-184.
5. Baranova S.V. Spivvidnoshennya markeri vuvichlyvosti v anhlomovnomu ta ukrayinomovnomu dyskursakh [Correlation of politeness markers in the English and Ukrainian discourses], S.V. Baranova, A.O. Korobko., Filolohichni traktaty [Philology treatises]. – 2014., Vol. 6, No. 1., pp. 61-66

Illustrative Sources

1. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd., Agatha Christie., Access mode: <http://e-libra.ru/read/170430-the-murder-of-roger-ackroyd.html>.
2. Cronin A.J. The Citadel., A.J. Cronin., Access mode: <http://english-e-books.net/the-citadel-a-j-cronin/>. <https://doi.org/10.1097/00005053-193902000-00052>
3. Galsworthy J. Flowering Wilderness., J. Galsworthy., Access mode: http://royallib.com/read/Galsworthy_John/Flowering_Wilderness.html.
4. London J. White Fang., J. London., Access mode: https://ebooks.adelaide.edu.au/l/london/jack/white_fang/part3.html.
5. Maugham W.S. The Creative Impulse., W.S. Maugham., Access mode: <http://www.pdfthron.com/the-creative-impulse-by-w-s-maugham>.
6. Maugham W.S. Theatre., W.S. Maugham., Access mode: http://royallib.com/read/Maugham_William/Theatre.html#0. <https://doi.org/10.1353/mdr.1958.0016>
7. Maugham S.S. The Painted Veil., S.S. Maugham., Access mode: http://royallib.com/read/Maugham_William/The_Painted_Veil.html#0.
8. Stevenson R.L. In the South Seas., R.L. Stevenson., Access mode: <http://www.freeclassicebooks.com/Robert%20Louis%20Stevenson/In%20the%20South%20Seas.pdf>. https://doi.org/10.1057/9780230510340_5
9. Stevenson R.L. The strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde., R.L. Stevenson., Access mode: <http://e-libra.ru/read/152834-the-strange-case-of-dr-jekyll-and-mr-hyde.html>. <https://doi.org/10.1017/cbo9781107518957>

Литература:

1. Kobyakova I.K. Implementation of Linguo-Creative Function in Jokes., I.K. Kobyakova., GISAP: Philological Sciences. – London., International Academy of Science and Higher Education London (United Kindom). – 2015., No. 8., pp. 23-25. <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.952>

2. Svachko S.O. Verbal-and-Creative Tendencies of Denumeral Formations., S.O. Svachko, I.K. Kobyakova, S.V. Baranova et al., British Journal of Science, Education and Culture. – No.1. (5), Vol. I. – London., London University Press, 2014., pp. 147-152.
3. Баранова С.В. Лексичні одиниці на позначення емоцій в англомовному політичному дискурсі., С.В. Баранова, К.В. Бикова, В.С. Педько., Актуальні проблеми романо-германської філології та прикладної лінгвістики: науковий журнал. – Чернівці., Видавничийдім «РОДОВІД». – 2014., Вип. 8., No. 3., с. 3-9.
4. Баранова С.В. Парадигматическая группа эмоций в английском языке., С.В. Баранова, Е.В. Быкова., Электронный периодический научный журнал «SCI-ARTICLE.RU». – 2014., No. 5 (январь), с. 179–184.
5. Баранова С.В. Співвідношення маркерів вувчливості в англомовному та україномовному дискурсах., С.В. Баранова, А.О. Коробко., Філологічні трактати. – 2014., Т. 6, № 1., с. 61-66

Illustrative Sources

1. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd., Agatha Christie., Access mode: <http://e-libra.ru/read/170430-the-murder-of-roger-ackroyd.html>.
2. Cronin A.J. The Citadel., A.J. Cronin., Access mode: <http://english-e-books.net/the-citadel-a-j-cronin/>. <https://doi.org/10.1097/00005053-193902000-00052>
3. Galsworthy J. Flowering Wilderness., J. Galsworthy., Access mode: http://royallib.com/read/Galsworthy_John/Flowering_Wilderness.html.
4. London J. White Fang., J. London., Access mode: https://ebooks.adelaide.edu.au/l/london/jack/white_fang/part3.html.
5. Maugham W.S. The Creative Impulse., W.S. Maugham., Access mode: <http://www.pdfthron.com/the-creative-impulse-by-w-s-maugham>.
6. Maugham W.S. Theatre., W.S. Maugham., Access mode: http://royallib.com/read/Maugham_William/Theatre.

html#0 <https://doi.org/10.1353/mdr.1958.0016>.

7. Maugham S.S. The Painted Veil., S.S. Maugham., Access mode: http://royallib.com/read/Maugham_William/The_Painted_Veil.html#0.

8. Stevenson R.L. In the South Seas., R.L. Stevenson., Access mode: <http://www.freeclassicebooks.com/Robert%20Louis%20Stevenson/In%20the%20South%20Seas.pdf>. https://doi.org/10.1057/9780230510340_5

9. Stevenson R.L. The strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde., R.L. Stevenson., Access mode: <http://e-libra.ru/read/152834-the-strange-case-of-dr.-jekyll-and-mr.-hyde.html>. <https://doi.org/10.1017/cbo9781107518957>

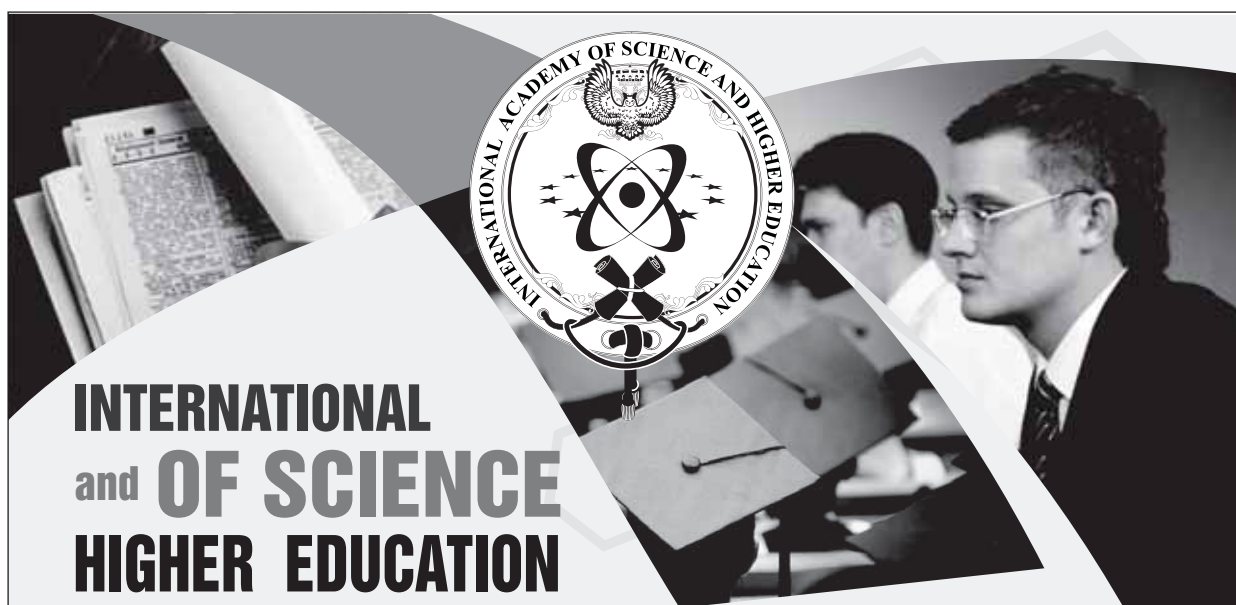
Information about authors:

1. Iryna Kobyakova - Candidate of Philology, Full Professor, Sumy State

University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

2. Svetlana Baranova – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: svitlanabaranova@gmail.com

3. Vita Matuzka – Student, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

INTERNATIONAL and OF SCIENCE HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 71939499

INFORMATION WARFARE: CLASSIFICATION OF SUGGESTIVE SPECIFICITY

A.V. Kovalevskaya, Candidate of Philology,
Associate Professor
National University «Odessa Law Academy», Odessa, Ukraine

The paper is devoted to studying the information warfare (IW) phenomenon in the paradigm of such newest complex sciences as neuro-linguistic programming (NLP), suggestive linguistics, theory of lies. The paper represents the author's classification of IW based on the influence technique markers described in Milton's NLP model and classification of lies by P.Ekman. In the work, each of the offered information warfare type is characterized as a special communicative pattern; its peculiarities and ways of identification are revealed, as well as the specific speech-based and audio-visual components. This innovation could allow not only describe the characteristics of information wars as the linguistically suggestive phenomena of the modern information society in detail, but also subsequently develop the mechanisms for identification of the IW processes in the media. This will allow developing the models of active protection from their negative influence in future.

Keywords: information war, NLP, suggestion, suggestive linguistics, theory of lies, media.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: КЛАССИФИКАЦИЯ СУГГЕСТИВНОЙ СПЕЦИФИКИ

Ковалевская А.В., канд. филол. наук, доцент
Национальный университет «Одесская юридическая
академия», Одесса, Украина

Статья посвящена изучению феномена информационных войн (ИВ) в парадигме таких новейших комплексных наук, как нейро-лингвистическое программирование (НЛП), суггестивная лингвистика, теория лжи, и представляет собой авторскую классификацию ИВ на основе маркеров техник воздействия, описанных в Милтон-модели НЛП, и классификации видов лжи П.Экмана. В работе охарактеризован каждый из предложенных типов информационных войн как особый коммуникативный паттерн, выявлены его особенности и способы идентификации, а также конкретные речевые и аудиовизуальные компоненты. Данная разработка позволяет не только детально описать особенности информационных войн как лингвосуггестивных феноменов современного информационного общества, но и впоследствии выработать механизмы идентификации процессов ИВ в пространстве СМИ, что позволит в дальнейшем разработать модели активной защиты от их негативного влияния.

Ключевые слова: информационная война, НЛП, суггестия, суггестивная лингвистика, теория лжи, СМИ.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1586>

Социум существует сегодня в специфическом пространстве, определенном Э. Тоффлером как «информационное» [см. 15], которое «...возникает как реальность после того, как человечество научилось создавать и эксплуатировать его... для достижения соответствующего информационного доминирования» [11, 27]. Это пространство не может не вносить свои коррективы в жизнь как человечества в целом, так и отдельных его представителей, поскольку оно «сопровождается не только количественными сдвигами, которые проявляются в более глубоком проникновении коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, но и качественными изменениями» [4, 86], среди которых М.В. Бутырина выделяет, например, «изменения в характере производства и передачи информации, гомогенизации и массивизации аудитории под воздействием однородного контента, появление медиакритиков» [там же]. По мнению Г.Г. Почепцова, «...новый информационный мир по-новому выстраивает свои приоритеты, опирается на новые типы возможностей» [11, 30].

Новейшая информационная среда производит также новые модели коммуникации, а скорее – модели массовых коммуникаций, представляющих собой «взаимодействие социальных субъектов путем обмена массовой информации с помощью специальных средств (пресса, радио, телевидение), в результате чего сообщение поступает сразу к большим группам людей» [2, 118]. Информацию же, которая распространяется в процессе массовой коммуникации и «производится для потребления массовой аудиторией» [7, 13], называют массовой или «социальной», учитывая ее общественную значимость [см. 6]. В этом же аспекте отметим становление такого нового термина, как «социальные коммуникации», который сегодня активно обсуждается в отраслевых кругах исследователей. В нашей работе опираемся на мнение профессора В.В. Ризуна, который отмечает, что под социальными коммуникациями следует понимать «такую систему общественного взаимодействия, которая включает определенные пути, способы, средства, принципы установления и поддержания контактов на

основе профессионально-технологической деятельности, направлена на разработку, производство, организацию, совершенствование, модернизацию отношений в обществе, которые складываются между различными социальными институтами, где, с одной стороны, в качестве инициаторов общения чаще всего выступают социальнокоммуникационные институты, службы, а с другой – организованные сообщества (социум, социальные группы) как полноправные участники социального взаимодействия. Эти коммуникации являются социально маркированными, поскольку предусматривают взаимодействие с социально определенными группами людей. Социальные коммуникации образуются по законам общения, но, как и любые технологические вещи, предусматривают использование научных знаний об общении и всего, что используется для организации общественнокоммуникационного дела» [13], прежде всего – развитых информационных технологий как базисных в осуществлении социальных интеракций.

Одной из наиболее распростра-

ненных информационных технологий сегодня называют информационные войны. М. Маклюэн подчеркивал, что истинно тотальная война – это война с помощью информации [см. 10]. Именно он первым провозгласил, что в наше время экономические связи и отношения все больше принимают форму обмена знаниями, а не обмена товарами, а СМИ являются новыми «природными ресурсами», увеличивающие богатства общества. То есть борьба за капитал, просторы сбыта и прочее отходят на второй план, а главным становится доступ к информационным ресурсам, знаниям, приводя таким образом к тому, что войны ведутся уже больше в информационном пространстве и с помощью информационных видов вооружений.

В этом аспекте все большее количество ученых (П.К. Власов, С. Квит, В.М. Корнеев, Н.Ф. Непийвода, Г. Почепцов, В.В. Ризун и др.) обращают внимание и активно изучают такую функцию СМИ, как формирование массового сознания, поскольку «только через оперирование общественным мнением коммуникация может работать в полную силу, когда она способна трансформировать не только информационную среду, но и среду виртуальную и физическую» [10, 11]. В процессе этого именно «медиаобщения определенным образом влияют на массовую аудиторию» [7, 16], то есть реализуют суггестивную функцию, изучение которой «с углублением в новое тысячелетие ... приобретает все большую важность» [3, 36], что и определяет **актуальность** нашей работы, направленной на исследование феномена функционирования информации во время т.н. информационных войн. **Целью** нашей работы является исследование явления современных информационных войн и их классификация с учетом коммуникативной природы этих феноменов, которая прежде всего реализуется в суггестивном характере деструктивной информации. Поставленная цель определяет необходимость решения следующих конкретных **задач**: определение собственно понятия информационной войны и изучение его базисных характеристик; формирование комплексного научного аппарата для классификации

информационных войн с учетом их коммуникативной специфики; классификация информационных войн в соответствии с базисными положениями работы и верификация результатов. **Методологической базой** нашей работы являются фундаментальные положения НЛП – «самостоятельной моделирующей системы с соответствующим теоретическим основанием и практическим инструментарием, предметом исследования которого являются когнитивные структуры человека, связанные со специфическими процессами диакритизации метатекста действительности и соответствующей экспликацией вербализованной и аналоговых (невербальных) структур в поликоммуникативных моделях» [8, 32]; суггестивной лингвистики, которая, в отличие от НЛП, имеет целью не столько оптимизацию общения, сколько осуществление прогнозируемого воздействия на собеседника / собеседников лингвистическими средствами, изучает истоки суггестии, сочетает древние знания и современные методы, традиционный и нетрадиционный подходы; и теории лжи (психологии лжи) П. Экмана – признанного специалиста в области психологии эмоций и межличностного общения.

Впервые понятие информационной войны было закреплено в директиве Министерства обороны США DOD S 3600. 1 от 21 декабря 1992 года, где оно употреблялось в узком смысле и рассматривалось как разновидность радиоэлектронной борьбы. В дальнейшем в отчете американской корпорации «Рэнд» MR-661-0SD «Strategic Information Warfare. A new face of War» (1996 г.) впервые появился термин – «стратегическая информационная война (и информационное противоборство)» [12]. Она определялась как война с использованием государственного глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и укрепления влияния на собственный информационный ресурс. Сейчас же украинские исследователи Н. Присяжнюк и Я. Жарков определяют информационную войну как «комплекс взаимосвязанных и согласованных по целям, месту и време-

ни мероприятий, ориентированных на достижение информационного превосходства» [12]. Главная задача информационных войн состоит в манипулировании массами. Цель такой манипуляции зачастую заключается во внесении в общественное и индивидуальное сознание враждебных, вредных идей и взглядов; в дезориентации и дезинформации масс; в ослаблении определенных убеждений, устоев; в запугивании своего народа образом врага; в запугивании противника своим могуществом; в обеспечении рынка сбыта для своей экономики. В этом случае информационная война является составной частью конкурентной борьбы.

Исследователи выделяют такие виды информационных войн, как кибервойна, психологическая, сетевая война, идеологическая диверсия, радиоэлектронная борьба [9]. Критерием этой классификации является прежде всего локальная или чисто техническая доминанта таких войн, но вне внимания исследователей в таком случае остается квалификация собственно лингвистической составляющей как доминанты информационной деструкции, определение её суггестивной специфики, что дало бы возможность четко идентифицировать патогенные элементы такой информации и, таким образом, редуцировать её последствия. В этом аспекте предложенный нами поход также позволит значительно расширить существующую классификацию информационных войн, поскольку мы принимаем во внимание их глубинные, природные компоненты, к которым прежде всего относим использование неправдивой, деструктивной информации и обязательный суггестивный эффект, идентификация которых возможна лишь на уровне синтеза новейших исследовательских методов и методологий, прежде всего – НЛП (мета модель и Милтон-модель), суггестивной лингвистики и теории лжи (П. Экман). Именно эти науки изучают суггестивную, то есть воздействующую сторону существования любой информации, где речь может рассматриваться как в целом суггестивное явление с потенциально суггестивными компонентами, а форма воплоще-

ния суггестивности языка – как текст в широком понимании (вербальный и невербальный). Кроме того, основная цель информационной войны, которая заключается в поддержании или изменении политических предпочтений адресата, предполагает нетождественность, искривленность интерпретации объективной реальности как её фундаментальный признак. Таким образом, актуальные положения вышеназванных наук позволят идентифицировать базовые сегменты информационной войны как имманентной составляющей современного коммуникативного пространства.

В нашей работе предложен новый комплексный подход к классификации информационных войн, основанный на том, что текстовая семантика любой информационной войны коррелирует с определенными элементами метамодели языка (ММЯ), предложенной Р. Бендлером и Д. Гриндером в рамках НЛП, и типами лжи по П. Экману, что определяет необходимость краткой характеристики этих понятий.

По Р. Бендлеру и Д. Гриндеру, метамодель языка «представляет собой эксплицитную репрезентацию или описание нашего неосознанного поведения, подчиненного правилам» [5, 50], описывает «превращение глубинной структуры человеческого опыта в оречевленную поверхностную структуру» [14, 152] и реализуется в трех основных процессах, универсальных законах: упущении (которое выражает редукцию важных частей сообщения), обобщении («в котором все элементы модели, принадлежащей тому или иному индивидууму, отрываются от исходного опыта, который породил эти модели, и начинают представлять в целом категорию, в которой этот опыт является лишь единичным случаем» [1, 30]) и искривлении («суть которого заключается в вербализации гипотетически смоделированной окружающей среды с неидентифицированными в предыдущем опыте составляющими» [8, 168]).

П. Экман определяет ложь как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без четко выраженной со стороны жерт-

вы просьбы не раскрывать правду» [16, 21] и выделяет две ее основные формы: замалчивание и искажение [там же]. Первый тип лжи определяется тем, что лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложную. При искривлении же «лжец применяет определенные дополнительные действия – он не только скрывает правду, но и предоставляет вместо нее ложную информацию, выдавая ее за истинную» [там же]. П. Экман также отмечает, что «часто лишь комбинация замалчивания и искажения приводит к лжи, но в некоторых случаях лжец может достичь успеха и просто не говоря всей правды» [там же]. Кроме того, преимущественно те, кто говорят неправду, выбирают форму замалчивания, поскольку она является пассивной, а к искажению прибегают уже тогда, когда их явно уличают в том, что они что-то недоговаривают. Дополнительно П. Экман выделяет еще пять способов лжи: имитация эмоций, которых лжец самом деле не испытывает; ложное объяснение причин определенного эмоционального состояния; полуправда (коммуникативная редукция, недомолвки); трюк, который сбивает с толку (П. Экман называет его «dodge»), что отчасти соотносим с понятием прерывания паттерна в НЛП; преподнесение правды таким образом, чтобы в это невозможно было поверить (преувеличение правды) [16, 21-31]. Именно этот последний способ классификации лжи, а также две её основные формы считаем релевантными для нашего исследования, поскольку они наиболее ярко могут быть проиллюстрированы в рамках метамодельной квалификации.

Таким образом, сопоставив элементы метамодели языка, разработанной Р. Бендлером и Д. Гриндером, и типы неправды по П. Экману, с элементами, имеющимися в проанализированных нами дискурсах ИВ, предлагаем выделять следующие основные типы информационных войн:

1. «Лебединое озеро» – тип ИВ, сопоставимый с процессом упущения и замалчиванием, когда редуцируются, то есть упускаются, важные части информации и подаются только неполные данные о том или ином информационном поводе (т.е., освещение

в СМИ только определенной части события, которая является значимой для информационной политики этого СМИ, без всех его деталей). Напр., 10 ноября в СССР всегда торжественно отмечали День советской милиции, который в эпоху телевидения сопровождался вечером концертом звезд советской эстрады. Но в 1982 году концерт отменили, а вместо него на телеэкраны пустили «Лебединое озеро». Простые граждане поняли, что в стране что-то случилось. Как оказалось, умер генеральный секретарь Леонид Брежнев. Музыка из «Лебединого» была своеобразной «фонограммой» на похоронах не только Брежнева, но и его преемников – Юрия Андропова, Константина Черненко, и использовалась исключительно для замалчивания определенной информации и недопущения к ней простых граждан.

2. «Слон из мухи» – этот тип ИВ сопоставим с процессом обобщения и преувеличением, когда исходные оригинальные данные значительно преувеличиваются/уменьшаются для создания определенного информационного эффекта (т.е., заметное уменьшение или увеличение количества присутствующих на определенной демонстрации). Напр., во время демонстраций на киевском Майдане украинские СМИ сообщали о присутствии более чем 100 000 человек, а некоторые их российские коллеги (телеканалы «НТВ», «Первый Канал», «Life News» и др.) – о максимум 2-3 тысячах, что, конечно, было вызвано необходимостью искусственно уменьшить количество демонстрантов, а следовательно, и значимость новостного повода.

3. «Фейк-атака» близка к процессу искривления и искажению, когда подаются заведомо ложные сведения об определенном информационном поводе (т.е., «придуманные» новости, созданные для искусственной эскалации напряженности в информационном пространстве и дестабилизации ситуации). В качестве примера можем привести «знаменитую» фейк-новость российских СМИ от 12 июля о якобы распятом в городе Славянск мальчике от якобы свидетеля этого события. Информация не была подкреплена фактами, но вызвала огромное возмущение

в России. Только в декабре в эфире «Первого канала» ведущая сообщила, что у журналистов действительно не было и нет доказательств описанной в сюжете истории.

Таким образом, предложенная нами классификация информационных войн имеет комплексный характер, интегрируя достижения таких новейших наук, как нейролингвистическое программирование, суггестивная лингвистика и теория лжи. Введение в научный оборот этой классификации позволит не только провести систематизацию информационных войн как крайне мощного феномена современного информационного пространства, но и выделить доминантные стратегии их построения и глубинные механизмы конструирования, а следовательно, и предложить стратегии и тактики противодействия каждому из типов информационных войн. Это, в свою очередь, послужит не только углублению соответствующих положений НЛП и суггестивной лингвистики, дискурсологии и психолингвистики, но и в возможному формированию соответствующих программных решений в области государственной информационной безопасности Украины, что подчеркивает перспективность дальнейших разработок этой проблемы.

References:

1. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: Uchenik. [Psychology of personality: a pupil], A.G. Asmolov. - Moskva., Publishing of MSU, 1990. - 367 p. <https://doi.org/10.2753/rp01061-0405220423>
2. Borisnev S.V. Sotsiologiya kommunikatsii: ucheb. Posobiye dlya vuzov [Communication sociology: Textbook. Manual for Universities], S.V. Borisnev. - Moskva., YUNITI-DANA, 2003. - 270 p.
3. Brayant Dzh., Tompson S. Osnovy vozdeystviya SMI: Per. s angl. [Fundamentals of the media impact: Translated from English], Dzh. Brayant, S. Tompson. - Moskva., Publishing house «Vil'yams», 2004. - 432 p.: il., Paral. Eng. subtit.
4. Butirina M.V. Stereotipi masovoi svidomosti: osoblivosti

formuvannya ta funktsionuvannya u media seredovishchi: Monografiya [Stereotypes of mass consciousness: peculiarities of formation and functioning in the media environment: Monograph], M.V. Butirina. - Dnipropetrovs'k., Publishing «Slovo», 2009. - 368 p., Ukr. lang.

5. Bendler R., Grinder D. Struktura magii [Structure of Magic], R. Bendler, D. Grinder. - Sankt-Peterburg., Belyy krolik [White Rabbit], 1996. - 496 p.
6. Ivanov V.F. Sotsiologiya masovoi komunikatsii: Navch. Posibnik [Sociology of Mass Communication: Manual], V.F. Ivanov. - Kiyiv., Tsentral'noi presi [Free Press Center], 1999. - 212 p.
7. Kvít S. Masovi komunikatsii: Pidruchnik [Mass Communications: Textbook], S. Kvít. - Kiyiv., Publishing house of «Kyiv-Mohyla Academy», 2008. - 206 p.
8. Kovalevs'ka T.Yu. Komunikativni aspekti neyrolingvistichnogo programuvannya: Monografiya. [Communicative aspects of neuro-linguistic programming: Monograph], T.Yu. Kovalevs'ka. - Odessa., Astroprint, 2001.
9. Manoylo A.V. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: faktory, opredelyayushchiye format sovremennoho vooruzhennogo konflikta [Information-psychological war: factors determining the format of a modern armed conflict], A.V. Manoylo [The electronic resource], Access mode: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> [access 08.07.2015].
10. Pocheptsov G.G. Media: teoriya masovikh komunikatsiy [Media: Mass Communication Theory], G.G. Pocheptsov. - Kiyiv., Al'terpres, 2008. - 403 p., (Seriya «Kommunikatsii & Strategiya» [«Communications & Strategy» Series]). - Russ. lang.
11. Pocheptsov G.G. Teoriya komunikatsii [Theory of Communication], G.G. Pocheptsov. - Moskva., "Refl-Buk", Kiyev., "Vakler", 2001.
12. Prisyazhnyuk M., Zharkov YA., Analiz zasobiv vedennya informat-synoi borot'bi z vikoristannyam informat-synikh tekhnologiy, form i sposobiv ikh zastosuvannya [Analysis

of information war means with the use of information technologies, forms and methods of their use], M. Prisyazhnyuk, Ya. Zharkov., Access mode: <http://defpol.org.ua/site/index.php/uk/component/content/article/51-kolonkaavtora/56-10082009>, [dostup 08.07.2015].

13. Rizun V.V., Nacherki do metodologiyi doslidzhen' sotsial'nikh komunikatsiy [Sketches on the methodology of studying the social communications], V.V. Rizun., Access mode: http://journlib.univ.kiev.ua/Nacherky_do_metodologiyi.pdf, [Access 08.07.2015].
14. Smit S. Zhestkaya kniga o tom, kak ubedit', zagipnotizirovat', zastavit' kogo ugodno. Malen'kaya kniga sil'neyshikh primov gipnoza i vozdeystviya [A tough book on how to convince, hypnotize, and force anyone. A small book of the strongest techniques of hypnosis and influence], Sven Smit. - Moskva., AST, 2010. - 224 p.
15. Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave], E. Toffler. - Moskva., Eksmo, 1999. - 784 p. <https://doi.org/10.2307/2578094>
16. Ekman P. Psikhologiya lzhi. Obmani menya, yesli smozhesh' [Psychology of lies. Deceive me, if you can]. - Sankt-Peterburg., Piter, 2010. - 304 s.

Literatura:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: Ученик., А.Г. Асмолов. - Москва., Изд-во МГУ, 1990. - 367 с. <https://doi.org/10.2753/rp01061-0405220423>
2. Бориснев С.В. Социология коммуникации: учеб. Пособие для вузов., С.В. Бориснев. - Москва., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 270 с.
3. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: Пер. с англ., Дж. Брайант, С. Томпсон. - Москва., Издательский дом «Вильямс», 2004. - 432 с.: ил., Парал. тит. англ.
4. Бутирина М.В. Стереотипы массовой свідомості: особливості формування та функціонування у медіа середовищі: Монографія., М.В. Бутирина. - Дніпропетровськ., Видавництво «Слово», 2009. - 368 с., Укр. мовою.
5. Бэндлер Р., Гриндер Д. Струк-

тура магии., Р. Бэнндлер, Д. Гриндер. – Санкт-Петербург, Белый кролик, 1996. – 496 с.

6. Иванов В.Ф. Соціологія масової комунікації: Навч. Посібник., В.Ф. Иванов. – Київ., Центр вільної преси, 1999. – 212 с.

7. Квіт С. Масові комунікації: Підручник., С. Квіт. – Київ., Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 206 с.

8. Ковалевська Т.Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування: Монографія., Т.Ю. Ковалевська. – Одеса., Астропринт, 2001.

9. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта., А.В. Манойло [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> [доступ 08.07.2015].

10. Почепцов Г.Г. Медіа: теорія масових комунікацій., Г.Г. Почепцов. – Київ., Альтерпрес, 2008. – 403с., (Серія «Коммуникации& Стратегия»). – Рос. мовою.

11. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – Москва., "Рефл-Бук", Киев.: "Ваклер", 2001.

12. Присяжнюк М., Жарков Я., Аналіз засобів ведення інформаційної боротьби з використанням інформаційних технологій, форм і способів їх застосування., М. Присяжнюк, Я. Жарков [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://defpol.org.ua/site/index.php/uk/component/content/article/51-kolonkaavtora/56-10082009>, [доступ 08.07.2015].

13. Різун В.В., Начерки до методології досліджень соціальних комунікацій., В.В. Різун [Електронний ресурс]., Режим доступу:http://journalib.univ.kiev.ua/Nacherky_do_metodologiyi.pdf, [доступ 08.07.2015].

14. Смит С. Жесткая книга о том, как убедить, загипнотизировать, заставить кого угодно. Маленькая книга сильнейших приемов гипноза и воздействия., Свен Смит. – Москва., АСТ, 2010. – 224с.

15. Тоффлер Э. Третья волна., Э. Тоффлер. – Москва., Эксмо, 1999. – 784 с. <https://doi.org/10.2307/2578094>

16. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – Санкт-Петербург., Питер, 2010. – 304 с.

Information about author:

1. Anastasia Kovalevskaya – Candidate of Philology, Associate Professor, National University «Odessa Law Academy»; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: ana.kovalevskaya@gmail.com

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

International multilingual social network for scientists and intellectuals.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries; Demonstration and recognition of creative potential; Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

LINGUO-TRANSFORMATIVE FUNCTION OF THE GROTESQUE AS A STIMULUS FOR DEVELOPMENT OF INTERPERSONAL RELATIONS

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

This study is related to the linguo-transformative function of the grotesque as the regulator of the binomial Semiotic-Symbolic, and through it – of the recreational flux of the a-systemic into the lingual system. The possibilities for socialization of subjects within the renewed communicative environment are studied as well. The following is significant for the transformative continuum: the semiotic transformation within the zone of the grotesque, alienation as a stimulus of the transformative process, sublimation of the object, implications of the Emptiness (the Void), the “anti-cohesive” coherence as a transformation of the lingual systematic, the anti-Form, the grotesque environment and the style as the “transformers”, the grotesque as a transformative code.

Keywords: grotesque, language, sign, system, a-systemacy, transformation, Form, socialisation, communication, code.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЛИНГВОТРАНСФОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГРОТЕСКА КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Хамзе, Д.Г., ассистент
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

В работе исследуется языково-трансформативная функция гротеска как регулятор бинома Семiotическое – Символическое, а посредством него – и рекреативного „вторжения” а-системного в языковую систему, а также возможностей для социализации субъектов в обновленном коммуникативном пространстве. Показательными для преобразовательного континуума являются: знаковая трансформация в гротесковой зоне, алиенация как стимул трансформативного процесса, сублимация объекта, импликации Пустоты (Праздности), „антикогезивная” когеренция как трансформация языковой систематики, анти-Форма, гротесковое пространство и стиль как „трансформаторы”, гротеск как трансформативный код.

Ключевые слова: гротеск, язык, знак, система, а-системность, трансформация, Форма, социализация, коммуникация, код.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1587>

„Czy ten językowy system, w obrębie którego nasz dyskurs szuka swojej drogi, nie jest czymś, co nieskończenie wykracza poza wszelką intencję, którą moglibyśmy wewnątrz wpisać, i która ponadto jest jedynie momentalna¹?”

Жак Лакан

Трансформативная функция языка – его сердцевинная характеристика и, может быть, его самая важная номинация. Даже богатство языковых функций обусловлено их внутренней котрансформацией – их способностью переходить одна в другую, оставляя впечатление, что данная фраза или данное сообщение выполняет несколько функций одновременно. Комбинаторика как присутствующее языку качество есть производная его имманентной трансформативности, а а-системное „неподчинение” словно предусмотрено системой; оно является частью системного характера языка. Язык – система для синхронных и будущих трансформаций. Сама система допускает асистемность, которая становится частью системы языка как одна из ее характерных особенностей. Именно трансформативная и метаморфическая природа языка заставляет нас искать гротесковую матрицу в самом языке, при чем и то на

всех его уровнях. В этой сущностной корреляции нужно искать не только условия для естественной перцепции и концептуализации гротеска, но и ее компенсаторно-креативную роль. То, чего не хватает языку, восполняется гротесковой образностью языковыми, надязыковыми, параязыковыми и епизыковыми средствами, которые в конечном итоге опять сводятся к языку как необъятному полю возможностей для перевоплощения; „вливаются” в язык и строят его подвижную, многоликую, полифоническую, трансформативную и развивающуюся идентичность. Проникновение в дебри человеческой психики, плетение сети взаимосвязей между ментальными „узлами”, экстраполирование комплексов и вожделений и их эстетическая гармонизация не только обеспечивают эмоциональный баланс и действуют как благотворное „психотропное вещество”, но на этой базе основывают стимуляцию социализацию

индивидуумов и их полноценное общение. Поэтому системность нужно понимать не как сумму обязательных и неизменных правил, а как открытую для перемен перманентную динамику, как системную „а-системность”.

Языковую систему, выходящую за границы интенции, о которой говорит Жак Лакан, можно смело расширять и моделировать – как подсказывает гротеск, – чтобы вместить все возможные интенции и дать им адекватное и достойное выражение.

1.1. Фердинанд де Соссюр в объёме будущего науки.

Заслуга Фердинанда де Соссюра, может быть, не столь в самом открытии новых и эпохальных для своего времени явлений и отношений в языке (много из вещей, которые мы связываем с его именем, были замечены раньше него другими большими умами, но его вклад заключается в большей степени в четком дефинировании и

¹ „Эта языковая система, в пределах которой наш дискурс ищет свой путь, не является ли чем-то, постоянно выходящим за пределы любой интенции, которую мы могли бы вписать в систему и которая ко всему прочему только моментальна?” [здесь и далее перев. мой – Д. Х.]

систематизировании их идей), сколь в возможности, ссылаясь на это открытие – не опровергая или отвергая, даже напротив, благодаря ему, – прозреть его трансформативную, развивающуюся природу, т.е. даже вне зависимости от нашей позиции относительно него, начертить его перспективную траекторию, уловить отражения, которые оно дает на других явлениях и процессах, и не только в лингвистике. Именно в этом состоит поступательное движение настоящей науки, черпающей и использующей позитивное в каждом очередном этапе в своей истории, сплывая в многоголосый хор все свои направления и течения, в каком „разладе” бы ни выглядели они в концептуальном отношении. Обычно каждое новое направление приходит, чтобы отречь предыдущее, выдавая себя за единственно правильное и основательное, концентрируясь на „недостатках” („несостоятельности”) предыдущего, которые нередко даже заостряет и абсолютизирует (догматизирует) с целью выделить свои преимущества, не давая себе отчет в том, что таким образом замыкается в себе и обрекает себя на мимолетность, так как слишком скоро ему следовало бы ожидать, что оно будет точно так же отречено следующим научным „хитом”. Животворная преемственность в науке – закономерное явление по двум причинам: 1/ ни одно направление не могло бы зародиться, утвердить себя и просуществовать без предыдущей ступени, потому что без нее не родилась бы даже идея о чем-то новом и различном; 2/ как бы ни конфликтовались два направления в борьбе за перевес – за преимущество своих „высших” оснований, оказывается, что они совершенно не исключают друг друга, а лишь дополняют и обогащают друг друга, что связь между ними не контрарная, а комплементарная, всеобразная. Замена или точнее – вытеснение одного направления другим, следовало бы означать не его „забрасывание” в небытие, а унаследование его и надстраивание – спасительные этапы в развитии науки. Размещение нового направления с его новой теорией в „гостиной” науки не означает, что в предыдущем не было и тени подобной концептуальности, а

означает прежде всего различное распределение акцентов.

1.2. Чтобы структурировать свою теорию языка, Ф. де Соссюр тоже опирается на теории и идеи своих великих предшественников и современников, начиная с индийских грамматиков, разрабатывающих учение о знаке, Парменида, Демокрита, некоторых софистов, Платона и Аристотеля, стоиков, Августина, Бекона и Лейбница, проходя через основоположника общего языкознания Вильгельма фон Гумбольта, братьев Грим, Георга фон Габеленца, Яна Бодуэна де Кортене, и кончая Эмилем Дюркгеймом и Вилемом Матезиусом. Леонард Блумфилд еще в 1922 г. очерчивает направление, в котором мы должны искать заслугу Ф. де Соссюра: „Значимость Курса – в четком и строгом выявлении фундаментальных принципов. Большинство из того, что автор говорит, давно витало „в воздухе” и кое-где было фрагментарно выражено, но систематизация – его” [по Бояджиеву 1992: 25]. Чтобы искать „лигатуры”, т.е. смягчение и когравитацию между членами строго выделенных швейцарским ученым бипартиций (внутренняя лингвистика – внешняя лингвистика, язык – речь, статическая (синхроническая) лингвистика – эволютивная (диахроническая) лингвистика, означаемое – означающее (по отношению к языковому знаку), парадигматика – синтагматика (хотя и, как уточняет Ж. Бояджиев, Соссюр не употребляет термин „парадигматика”, а „ассоциативные отношения”) [Бояджиев 1992: 21] как представительные для системного характера языка категории, эти оппозитивные пары естественно должны наличествовать. Они словно напоминают о реципрочном влиянии и взаимной преемственности между своими составляющими. Существование Соссюровых дихотомий жизненно важно для лингвистической науки, потому что без них не появилось бы намерение релятивизовать или даже оспаривать „излученные” им дихотомии, в поиске путей сближения их коррелятов; нас не осенило бы вдохновение ступить на иной путь...

1.3. Оппозицию *langue – parole* можем понимать скорее всего не как язык – речь, потому что язык прежде

всего речь, а речь – язык, и бинаризм начинает „таять”, а как *язык – слово*, в том смысле, что язык может быть „словом”-статьей (как частью системы), т.е. его номенклатурной регистрацией с абстрагированным набором значений в лексиконе (словарном теле), а „слово” есть уже нескончаемая и непредвидимая смысловая „прыгучесть” лексической единицы (ее подлинная бытийность) во всевозможных ее семантических гипотезах, именно как „живой поликодовый” и „мультимодальный гипертекст”, в соответствии с терминологией и определением русского исследователя Александры Залевской [Залевская 2012].

Когда язык запустит свои основные функции (о которых гротеск в своей бдительности непрестанно ему напоминает) – экспрессивную и миметическую, а их динамо – это трансформация, слово чахнет. Мариан Белецкий пишет о герое-нарраторе романа *Ferdynand* Витольда Гомбровича следующее: „Как замечает даже сам протагонист – перо ему изменяет. И то в самом буквальном смысле, потому что речь идет не о каком-то чисто писательском недоумении. Изменяет ему сам язык, который перестал выполнять свои основные функции: экспрессивную и миметическую” [Bielecki 2014: 95]. С помощью этих функций индивидуум в состоянии хоть в какой-то мере преодолеть главную и сущую оппозицию экзистенциально-антропологического характера: *формальная связь-зависимость* (в первую очередь структурно-языковое давление) – *первичная привязанность* (инстинктивная гравитация в сторону нерасчлененного, целостного и „хаотичного” образа Матери), благодаря трансформативному потенциалу гротескового изображения. У польского писателя „неисправимое” ощущение „потусторонности” этого „первичного инстинкта”: „Вы не скажете, что человек проявляет себя посредством известных, независимых от него структур, какими являются структуры языка, что он ограничен чем-то, что пронизывает его сплошь и вместе с тем определяет его; что его *vis movens* находится где-то вне его?” [PWT II, 321–322].

2.1. Знаковая трансформация в гротесковой зоне.

Здесь я попробую посмотреть с другого угла на стандартную модель *Signifiant – Signifié*, ставшую знаковой в языковедении, и выделить круговую трипартицию *Семиотическое – Символическое – Семиотическое* как диалектику знаковости, зародившейся и протекающей в гротесковом пространстве. Для этой цели необходимо вернуться к нашим экзистенциальным корням и поискать первопричину нашей знаковой идентичности, ссылаясь на ценные наблюдения Жака Лакана и Юлии Крыстевой, достойно представленных в монографии М. Белецкого *Widma Nowoczesności (Призраки Современности)*.

2.2. Символично (Символьно) все, что связано с нашей „культурной” („культивированной”) жизнью в социуме. Оно как сфера нашего неизбежного бытия, потому что наше существование, функционирование и продвижение отмечены Символом; так обстоит дело и с нашей экзистенциальной травмой, из-за нашего удаления от своего естества, от нас самих. Оно и есть высокая цена компромисса, без которого так или иначе существование было бы невозможным. Символ (Означающее) оказывается жизненно важным для субъекта, но и слишком болезненным (травматическим) – обрекает его на пожизненную зависимость от формальной тирании Другого. Субъект обречен на алиенацию (протосимвол) и дискурс (мега-символ), на бесконечные проблемы с Означающим, что делает невозможными автоэкспрессию и самопознание как исцеление. Лакан говорит: „Буква убивает, но мы знаем это благодаря самой букве” [по Bielecki 2014: 38]. Означающее кризисно и критично для сознательного индивидуума, так как оно становится причиной того, чтобы появился субъект сигнификации, сводя его к самому Означающему. Таким

образом одно Означающее направляется к другому Означающему, петрифицируя его в самом движении. Человечек тоже оказывается каким-то Означающим первичного Означаемого, т.е. является транслятором знаковости. Это Означающее играет роль Означаемого для другого Означающего, следовательно оно есть Означающее Означающего и наряду с этим Означающее и Означаемое. Бифункциональность, однако, никак не удовлетворяет его, а делает его положение в мире еще более тяжелым и сложным. Она открывает ему мучительную истину, что язык может быть тираническим, поработаживающим, антигуманным, антисущностным, антиэссенциальным, противоестественным, деперсонализирующим, убийственным... Причем именно благодаря „ультимативности”, принуждению, насилию Символа, Форме как Символу. Борьба против статус-кво не может не принять определенную форму, но она есть Анти-форма, потому что взрывает стандарт. Гротеск проводит эту трансформацию Формы в Анти-форму и опять в эстетическую Форму высшего порядка, и таким образом обеспечивает реверсивное преобразование (двойную ретрансформацию) Символического в Семиотическое, а его – в новое гибридное Символическое.

Альбертинка из пьесы *Оперетка* – сама Анти-форма, словно аллегория Семиотического, „причавлившего” к территории Символического. Своим человеческим „коллажно-провокативным” присутствием она доказывает, что не только не лишняя в строго расчерченном, формализованном до судорог мире, но как Посланец от Потустороннего мира, явившийся, чтобы напомнить о Начале, об Источнике и Целости. Ситуативный оксиморон, сотканный из повторений (двойная редупликация), междометий, эллипсисов, констатива и экспрессивов, строит мизансцену коммуникативной

ко-гравитации между Семиотическим и Символическим.

Albertynka i Złodziejaski

*Ach, Albertynka, to cud dziewczynka,
z grobu powstaje, wiecześnie młoda, na
trumnie tańczy, bawić się chce*

I o miłości

I o miłości

I o nagości

I o nagości

Bez przerwy śni, ach śni?... [O, 320]

2.3. Благодаря своей трансформативной функции гротеск возвращает к Семиотическому и вторично его *символизирует* – чтобы припомнить и альтернативировать его (выделить его как альтернативу). Сам гротеск так похож на Семиотическое с его основной характеристикой как знак Первичного, гетерогенного, нерасчлененного и неразгадаемого, невыразимого и необъяснимого! Гротеск совершает очередное чудо – помирляет и гармонизирует принципиально (и исконно) непримиримые Символическое и Семиотическое, трансформируя Символическое в Семиотическое, а его – снова в Символическое, но в более высокой степени – именно как Символика Семиотического. Так укрощает боль от существования, из-за вечной неудовлетворенности субъекта с его неутолимыми желаниями, с превосходящими (перекрывающими) его страстями. Неизбежная экзистенциальная зависимость индивидуума от Другого становится менее травматической, благодаря альтернативе, которую предлагает гротесковое изображение со всем своим трансформативным потенциалом. Вечная невозможность самоосуществления субъекта, о котором пишет М. Белецкий, превращается в возможность (становится компенсируемой) посредством философско-эстетической функции гротеска, которая, со своей стороны, – производная трансформативной функции, т.е. пред-

2 Альбертинка и Злодейки

Ах, Альбертинка, девка панишка, из могилы всплыла, вечно молода, на гробу танцует, развлекаться мечтает

И, о, моя любовь

И, о, моя любовь

И, о, моя нагота

И, о, моя нагота

Бесконечно снится ей, ах, снится ей... [O, 320]

ставляет функцию функции: „То, что было сплошной первичностью, возможно наиболее примарной потребностью и наряду с этим наиболее совершенным проявлением себя, вдруг становится желанием, выражаемым в языке Другого, т.е. несобственным, неусвоенным, предлагающем только жалкие заместители безвозвратно потерянного и осуждающего субъект на вечную жажду и вечную неудовлетворенность” [Bielecki 2014: 40]. Трансформативная природа гротеска толкает этот „чужой”, „неравностойный”, неполный и несовершенный язык на путь совершенства.

По мнению Ю. Крыстевой, именно здесь, на первичном уровне, в приговоренной к забвению связи с Матерью, проявляется первая интеракция межчеловеческого характера, первая коммуникация и первый язык. Составляющие определенный опыт и экспрессию ощущения -телесный контакт, чувство тепла, питание, вокальные и мышечные судороги, дрожание голосовой и моторной систем: все это есть основа Семиотического. Артикулированный специальным образом голос фрустраций и криков о помощи, это протоязык, который подготавливает место для подлинного языка, того из Символического порядка. Следовательно, Семиотическое связано с первичными, непосредственными и не воображаемыми, а самыми реальными отношениями с Матерью, которая воплощает упомянутый протоязык: рифмы, интонации, эхоталии телесной унии [по Bielecki 2014: 47]. Благодаря гротеску эти „подземные богатства” не погибают, а „воскресают” как драгоценное сырье для духовно-эстетического переноса.

По мнению Лакана, Символ появляется в первую очередь как уничтожение предмета (польск. *rzecz*), а смерть его означает для субъекта увековечение его сильного желания [по Bielecki 2014: 40]. Нечто, предмет, как мы могли бы назвать Лакановую жизнеопределяющую первичность, пульсирует в парадигмах (конфигурациях) предметности в *Космосе*. Предметы в

романе (под предметами понимаем и „о-предмеченные” живые существа в гротесковой панораме), кроме того, что однажды уже трансформированы гротеском как символы Семиотического, превращаются еще и в объект авто- и ко-трансформации, обмениваясь и чередуя перманентно Символическое с Семиотическим. Гротеск не только сочетает Семиотическое и Символическое, но трансформирует одно в другое силой своей эстетической экспрессивности. Сам он становится знаком (символом) Семиотического, а Семиотическое – знаком потребности в Символике. Таким образом Символика становится приемлемой и безболезненной для субъекта, и ее уже нельзя преодолевать, потому что она ко-экзиститирует успешно с Семиотическим.

Сюрреалистическая спайка выравненных посредством сплошного дейксиса (словно пересекающего синтаксические связи) фрагментов действительности, которые в гротесковой картине не только преобразуются в символ Семиотического, но иллюстрируют единение и единодействие предметности как „части” Вселенной (выраженные всевозможными языковыми средствами), превращаемые Космическим императивом в Целость, – отражает реальное (адекватное) психическое состояние субъекта в мнимой реальности его утилитарного бытия. Эта спайка подсказывает утешительную возможность периодического перехода от Символического в Семиотическое и наоборот, притом в самых разнообразных комбинациях. „Неповторимая” повторяемость действия „реставрирует” пуповину, соединяющую наше тело с Абсолютом.

Uciszył się zupełnie i nic nie było słyhać, ja myślałem wróbel Lena patyk Lena kot w usta miód wargę wywichnąć ścianą gródka rysa palec Ludwik krzaki wisi wiszą usta Lena sam tam czajnik kot patyk płot droga Ludwik książkę mur kot patyk wróbel kot Ludwik wisi patyk wisi wróbel wisi Ludwik kot powieszę – – – Lunęło. (...) Dziś na obiad była potrawka z kury³ [K, 148].

2.4. Семиотическое связано с автозрительской, пред-эдиальной телесностью. Поэтому оно асимметрическое и его нельзя приравнивать к Фрейдовой травме или Лакановому Реальному. У Ю. Крыстевой Семиотическое существует вне всякой репрезентации и раньше какого бы то ни было дискурса. У него свои законы и правила. Пристрастие В. Гомбровича к Семиотическому замечает и французская структуралистка в своем комментарии (переданном М. Белецким) о целом его творчестве и в частности о романе *Порнография*: „Ничто, а означает” (...) – вот формула Крыстевой, определяющая невыразимую тему *Порнографии*. Зато, наиболее общеговоря, писательское дело Гомбровича, включая, конечно, *Космос* и *Дневник*, не что иное как усилие нащупывания и оборачивания в язык ускользающего опыта, усилие названия предъязыкового и невыразимого, штрихования непрочных и неустойчивых значений на грани слова и желания [...]” [по Bielecki 2014: 49]. Это усилие щедро вознаграждено гротеском и его трансформативной стихией.

Семиотическая сигнификация, как отмечает М. Белецки, предшествует эволюционный этап субъективности. Архаический опыт не позволяет быть забытым, и его вытеснение в подсознательное никогда не бывает окончательным. Когда появляется Символическое, Семиотическое не исчезает полностью и при определенных обстоятельствах напоминает о себе. Тогда Семиотическое, как специфическое сочетание инстинктивного и дискурсивного, активизируется в дискурсе, заставляя его „обволакиваться” и лавировать. Следовательно, эта оппозиция не является абсолютной, и ее члены находятся в особой взаимозависимости [по Bielecki 2014: 49–50]. Оказывается, что Семиотическое и Символическое в языковом дискурсе функционируют на оксиморонном принципе – основополагающем и эссенциальном для гротесковости: „(...) как пишет Крыстева в *Черном солнце* – „неосознаваемое” не структурировано

3 Стихотворение совсем, и ничего тебе было слышно, я думал о воробье Лена о палке Лена о кошке во рту мед губу покривить клубень стена царапина палец Людвиг кусты висит висит рот Лена туда-сюда чайник кошка палка забор дорога Людвиг священный стена кошка палка воробей кошка Людвиг висит палка висит воробей висит Людвиг кошку повешу – – – Пошел дождь [...] Сегодня на обед была яхния из курицы [K, 148].

как язык, а как все следы Другого, вместе и прежде всего с наиболее примитивными, „семиотическими” знаками, возникшими путем предсловесного самовозбуждения, „припоминаемого” нарцисстическим или любовным опытом (...). Инстинктивное, рефлекторное, физическое влечение оперирует на уровне материального, которое логически и темпорально предшествует символическому порядку, но уже так или иначе отмечено некоторым штрихом социализации путем испытания дружности. Семиотические инстинкты имеют даже свою поэтику, использующую главным образом просодические возможности языка (...). Эти инстинкты находят свою отдушину в его материальности: в тонах, музыке, интонациях, ритмах, аллитерациях, отвечающих флуктуационным движениям процессов, стабилизирующих значение до грани нонсенса или выражения Материнского Предмета. Это, однако, не репрезентация, а всплеск, освобождение, извержение и деструкция языка с помощью инстинктов, нарушение гладкой поверхности его структуры и смысла. Это Семиотическое существование на грани языка, на грани говоримости и интеллигибельности. Появление семиотического взбудораживает язык, травмирует субъект и сметает символический порядок – Семиотическое – это. революционная потенция (...)” [Bielecki 2014: 49–50].

В семиотическом ареале Гомбрович выделяет трансформативную функцию гротескового языка, который возвращает язык к его источнику, „рассказывает ему” его предысторию, чтобы сделать его более гуманным, более социативным и сплывающим в своей коммуникативности. Гротесковая диссекция языка – неизбежный этап в его реанимировании и в актуализации его архетипной витальности. Гротеск является проявителем (лакмусом) для жизненности семиотических импульсов, как в психическом космосе индивидуума, так и в его языке.

3.1. Алиенация как катализатор трансформативного процесса в гротесковом изображении.

Устремленность к достижению самого себя оказывается отчуждением (алиенацией) от себя, и когда постепенно в той или иной степени его начинают осознать, оно словно удаляется, потому что ощущается как безвозвратный отрыв (вырывание) от Первичной Целостности, которая первоначально показалась нам лишней или ненужной перед лицом мечтанной, социализирующей, ассоциирующей и обеспечивающей Формальную идентичность Другости, а потом мы почувствовали себя „обманутыми” императивами Другости, которые все время форматируют нас и все больше и больше отдалают от нашей сущности, от нашего исконного Единения, без которого мы на самом деле не можем существовать. „Эвристическое” открытие телесной целостности в „зеркальной фазе” (термин Лакана) развития ребенка, которая протаргет ему дорогу к самореализации в обществе, без которой его жизнь была бы невозможной, оказывается „зрительным обманом, поскольку собранные воедино „разбросанные” части неосознанного еще как единство тела, участвуют обязательно в коммуникативном маскообмене, который разбудит ностальгию по первичной расчлененности как знак Совершенного Единства (опять оксиморон). В этой своей телесной „целостности”, которая на самом деле ему чужда, и иллюзорной самодостаточности субъект оказывается обреченным на вечную частичность, потому что никогда не может быть собой под давлением Другого, который всегда различен, но в то же время и всегда „одинаково” Формален. Славой Жижек почти чувственно выражает этот процесс: „сразу после того как субъект будет пойман в радикально наружной сети означающих, он уже мертв, расчленен, разорван на куски. (...) символическая репрезентация всегда обезображивает субъект (...)

она всегда является неким его отклонением, некой ошибкой... (...) субъект не может найти то значащее, которое могло бы быть „его собственным” (...) всегда говорит слишком много или слишком мало: вкратце, всегда говорит что-то *другое*, а не то, что хотел сказать [по Bielecki 2014: 97].

Гротесковая образность в Гомбровичевом творчестве визуализирует языковыми средствами именно эту трансформацию (и рефункционализацию) частей в философском и, в конечном итоге, космическом созвучии. Так, в этой их „расчлененности” они становятся жизненно важными элементами космической целокупности, частью которой является и сам субъект. Так следовало бы понимать „зловеще” эстетическую метафору отпадения отдельных частей с тел партнерш обоих виртуозов анализа и синтеза в философских эссе в романе *Фердидурке* – Филидора и Филиберта. В этой дуэли чести даже стрельба (представленная ситуативно-психологическим оксимороном) „освещена” с помощью расположенных в восходящей смысловой градации прилагательных, компаративных единиц и тавтологичного сравнения, переподтверждающего „сакрализацию”, как дерзкое вхождение (скорее возвращение) Сакрального, которое расчленяет и сметает утилитарную символику. Его приветствуют с восторгом даже сами „жертвы”, которые превращаются в его вторичные символы.

Palba trwała nieustająca, zażarta, gwałtowna i świetna jak świetność sama, a palce, uszy, nosy, zęby odpadały jak liście z drzewa miotanego wichrem, my zaś, sekundanci, zaledwie mogliśmy nadążyć okrzykiem, która z nas wyrwała błyskawiczna celność. (...)

Obie panie były już оголоcone ze wszystkich odnóg i występów, nie padały trupem po prostu dlatego, że nie mogły nadążyć, a zresztą myślę, że miały też w tym swoją rozkosz – wystawiając się na taką celność⁴. [F, 107].

4 Стрельба продолжалась бесперерывная, ожесточенная, яростная и прекрасная как само прекрасное, а пальцы, уши, носы, зубы срывались как листья с дерева, раскачиваемого вихрем, зато мы же, секунданты, едва успевали догонять возгласы, которые вырывала из наших уст молниеносная точность. (...)

Две дамы были уже освобождены от всех отступков и побегов, но не падали на землю, просто потому что им не удавалось поспевать, а в сущности я думаю, что от этого они испытывали наслаждение – подвергаясь такой точной стрельбе [F, 107].

4.1. Гротеск как сублимация (метафорическая трансформация) абъекта.

Ю. Крыстева определяет так термин абъектность (польск. *abiektność*): „Экстремально сильное чувство, являющееся одновременно соматическим и символическим, и прежде всего – бунтом субъекта против внешней опасности, от которой он хочет дистанцироваться, но которая вместе с тем создает впечатление, что является чем-то больше внешней угрозы и что может угрожать и изнутри. Это означает желание о сепарации, об автономичности и наряду с этим выдает чувство невозможности того, чтоб желание было выполнено” (по Bielecki 2014: 56).

Абъект не субъект, и не предмет, он скорее „гнездо”, праобъект, раньше „зеркальной фазы”, раньше Воображаемого и Символического Другого. Он есть „объект”, потерянный в результате усилий, направленных на отделение от пре-Едипальной Матери, в результате первой попытки создать некое воображаемое Я путем его обособления от не-Я [по Bielecki 2014: 56].

Ю. Крыстева описывает реакцию к сливкам в молоке, поданном родителями их ребенку, чтобы связать его с метаморфозами абъектного, которое точнее всего выражает драму индивидуума: „Головокружение затуманивает мое зрение, меня начинает тошнить от сгущенной пленки на поверхности молока, она отделяет меня от матери, от отца, которые настаивают на том, чтобы я его взял. Этот элемент, „знак” их желания, „я” его не хочу, „я” ничего о нем знать не хочет, „я” его не принимает, „я” его отвергаю. Но раз эта пища не „другая” для „меня”, раз я существую единственно в их желании, отвергаю себя, выплевываю себя, чувствую отвращение к себе – причем в том же движении, в котором „я” утверждаю, что конструируюсь” [по Bielecki 2014: 56]. (опять оксиморон). Это одновременно ключевой

и исключительно двузначный момент, на что обращает специальное внимание М. Белецки. Отвержение всего нечистого и неправильного в телесном битии делает возможным очерчивание границ асептического поля с его чистотой и правильностью, и в первую очередь позволяет провести границы самого себя. Таким образом добиваются установления Я, но кошмарной ценой отвержения своих самых близких людей, матери, отца, а даже и самого себя, ценой отрыва от колыбели, от „источника” без дна, представляющего собой отталкивание, названное первичным... Таким, слишком вычурным образом рождается любая моральность, если, конечно, мы связываем ее с уважением к другому, так как ее условием является отвращение к собственной матери. Более конкретные имена, которые Ю. Крыстева дает абъекту в *Силе отвращения*, это: питание, нечистоты, экскременты, физиологические отходы, ненормальная или нездоровая телесность, а также проступок, вероломство, нелояльность [по Bielecki 2014: 57]. Не выходит ли, что сама моральность неморальна, что мораль прорастает на аморальной почве? Сама она аморальна?

Польский литературовед акцентирует на *перформативном* характере абъектного (перформативность тоже есть трансформация одного состояния в другое), поскольку оно нарушает границы, срывает порядок, размешивает отношения между идентичностью и дружеством, а в то же время является самым нарушением, уничтожением и спутыванием идентичного и различного. Вот почему представляет угрозу для Символического порядка как структуры дележа и различий [по Bielecki 2014: 58].

Трансформативно-перформативная сила гротеска выражается не в стирании абъекта или в его нейтрализации, а как раз в осуществлении посредством него победоносного возвращения к Семиотическому и

экстериоризации трагедии индивидуума, которая сублимирует, благодаря эстетике. Гротесковая образность с легкостью связывает такие крайние вещи путем релятивизации границ и визуально-эстетической „трансформации” абъекта, „приходящего извне и разрывающего изнутри” (по словам Ю. Крыстей).

В драме *Оперетка* Профессор с его vomитальными (франц. *vomir* – *рвать, извергать*; связанный со рвотой) вспышками – это Медиум, обращенный к Космическому, прямая связь с Первичной Целостностью. Автор словно „фильмирует” экстремальную трансмутацию Символического снова в Семиотическое, принимая языковое наступление средствами компрессированного, „телеграфного” синтаксиса, придающего особую действенность гротесковому изображению посредством эллипсисов, безличных, безглагольных и бесподлежащих фраз, с помощью пространственных ориентиров, космизирующей метафоры, повторения, междометий, эскалации прилагательных.

Profesor

A ja rzy...ja Rzy... na prawo. Rzy... na lewo. Rzygam i rzygam. Rzyg. Mdl. Nudzi. Wymiot. Rzyg. Rzyg. Wszere i wzduż. W głę i w skos. Rzyg. Rzyg. Co za nudzenie, jak nudzi, jak mdl, rzucam, wymiotuję, wymiot absolutny, radykalny, uniwersalny, kosmiczny, fizyczny, metafizyczny, wszechwładny, wszechobjmujący, wymiot, wymiot, wymiot, wymio⁵! [O, 282–283]

4.1. Трансформативная функция гротеска как гарант доступа к Реальности посредством Пустоты (Праздности)

В будистской философии вещи не имеют прочных и зафиксированных характеристик, потому что непрерывно меняются. Это означает, что они лишены характера, т.е. они – несуществующие (что не означает, что они не присутствуют), следовательно являются *пустотой*⁶. Она, однако,

5 Профессор

А меня рве... меня Рве... направо. Рве... налево. Рвет и рвет. Рвота. Тошнота. Скука. Рвота. Рвота. Вдоль и поперек. Внутрь и косо. Рвота. Рвота. Что за хандра, какая скука, какая гадость, извергаюсь, меня рвет, рвота абсолютная, радикальная, универсальная, космическая, физическая, метафизическая, всемогущая, вездесущая, рвота, рвота, рвота, рвота! [O, 282–283]

⁶ По вопросу о пустоте как одном из воплощений Сумерек с их семантической бездной см. работу „Zapada zmierzch...” – kognitywno-konotatywne implikacje pojęcia w twórczości W. Gombrowicza [Hamze 2014a].

очень плодотворная и ассоциируется со Средним путем как отсутствие позиции, как равновесие и покой. Она есть Нирвана – настоящая живая Реальность. Образ пустоты в гротесковом изображении встречается часто в творчестве польского писателя как периодическое „отключение” от уни-Форменного мира „тиранического” порядка, как „предохранительный клапан”, восстановление „пуповины”, оазис и медиум, обращенный к исконной Реальности, как реверсивная телепортация в Материнскую „обитель”. Для Ю. Крыстевой субъект тоже основан на пустоте, отсутствии или негативности. Потому что отсутствие обязательно, чтобы могла всплыть какая-то позитивность, какая-то культурная Форма, создаваемая в процессе неутомимого семиозиса. Это отсутствие, однако, имеет в некоторой степени онтологический статус, не есть абсолютное небытие, а словно выше него, и при этом его описывают с помощью пространственной метафоры, что означает, что оно может быть восполнимо [по Bielecki 2014: 45]. Именно гротесковая антропология и лингвология восполняет его – смыслом и перспективой... В ней сочетаются извечное Материнское всеединство, философское спокойствие, благодать, одновременно как контрапункт жизненного стандарта и мост к Первичной Целости. Прав М. Белецки, который говорит, что для Ю. Крыстевой пустота (праздность) не совсем пуста, потому что в ней есть „что-то”, предшествующее „зеркальной фазе” [Bielecki 2014: 45].

Когда сверхформализованное Символическое начинает становиться нестерпимым, тогда само оно начинает „переваливать” в свою противоположность – Семиотическое, как устремление к Пустоте. Символическое начинает разлагаться, абстрагируясь посредством своих действительных номиналий (девербатов) – как преддверие Абсолютной Целости, – приобретающих стран-

ность, таинственность. Рефренная формула: *Ja na kolana padłem*, чаще всего употребляемая в Транс-Атлантике, но встречаемая и в других произведениях писателя, здесь не столь ироническая реакция на высочайшую особу Посланца и его смехотворную клоунаду, сколь намерение (выраженное риторическим вопросом) оказать почтение Анти-формальному, изначальной „Пустоте”. Особа Посланца отходит на второй план, чтобы предоставить преимущество его деперсонализированным действиям – эмблемам Семиотического, перед которыми преклоняется нарратор. Ситуативно-поведенческий оксиморон с помощью негации, повторения и компаративных маркеров сгущает гротесковую картину.

Dopieroż myślę: a po cóż ja tak myślę, że on (Posel) krzyczy, siada, lub powstaje, odkądże to mnie krzyk jego, siadanie, wstawanie dziwnymi się stały? A i bardzo Dziwne; do tego zaś Puste jakieś, jak pusta butelka, lub Bania. Patrę się, przyglądam i widzę, że w nim wszystko bardzo Puste, aż mnie lęk zdiął i myślę sobie, a co to tak Pusto, może lepiej ja na kolana padnę?... [TA, 74-75]

5.1. „Антикогезивная” когеренция⁸ как трансформация языковой систематики.

Когезия – это стандартная, знаково эксплицированная связь между языковыми единицами, получающая свой „аттестат” от грамматического устройства языка. Понятия, связанные преимущественно с синтаксисом, как аккомодация, колокабельность и пр., являются индексами категории. В своем качестве синтагматической, пропозициональной и референциальной данности, она предопределяет и осуществляет канонические языковые связи, служащие ядерными ориентирами в мысленно-грамматическом пространстве производителя речи.

Симптоматика текста, однако, обусловлена преимущественно когеренцией. Она представляет ту деликатную и неуловимую внутреннюю

смысловую согласованность элементов в текстуальном пространстве, которая увлекает их в синхронный ритм, чаще всего в противовес правилам когезивной сочетаемости. Когезия и когеренция, конечно, не исключают друг друга, а друг друга дополняют и „общими усилиями” способствуют семантично-синтаксической консолидации текста, но за смыслово-эстетическую (что касается художественной литературы) значимость данного текста всю ответственность несет когеренция, и то преимущественно за счет когезии.

Когезия закладывает коммуникативную базу для межличностного взаимодействия, а когеренция намечает (проектирует) смысловую перспективу текста, открывающую новые коммуникативные горизонты. Как динамичная и трансформативная сеть взаимосвязей, когеренция может даже „аннулировать” когезию в ее классическом виде, не раскачивая устои текста и не эрозируя его структуру, по той простой причине, что она является ее „продуктом”.

5.2. Гротеск как чудотворное сочетание несочетаемых на вид, даже диаметрально противоположных по характеру бытийностей, в которые „вдохнули” компатибельность на основе одного знаменательного открытия – их взаимного духовно-эстетического и смыслового аффинитета, является образцом когеренции. Даже классическое представление о когеренции в физике (которая „благосклонно” уступает термин и другим наукам), как согласованном насаивании колебаний волн, словно относится в полной степени и к гротеску. Гротесковая картина – это идеальное соответствие физическому термину „интерферентная картина”.

Отсутствие когезии в традиционном семантическом и языковом отношении компенсируется внутренним сцеплением (как синоним „когеренции”) „гиперболического гротескового тела” [по М. Бахтину 1978] как субституту Вселенной с ее эмблематическими сим-

7 Лишь сейчас думаю: почему же я так Думаю, что он (Посланец) кричит, садится, или же встает, как же так крик его, усаживание его, вставание чудноватыми мне показались? Даже очень Чудноватыми; да и какими-то Пустыми, как пустая бутылка, или как Пузырь. Смотрю, всматриваюсь и вижу, что в нем все очень Пусто, аж до того, что меня бросает в дрожь и начинаю думать, да уж если так Пусто, может, лучше ж будет на колени упасть?... [ТА, 74-75]

8 Более подробно по теме посм. статью Гротеската като „антикогезивна” когеренция (вверху материал от творчества на Витолд Гомбрович) [Хамзе 2016] (в печати).

биоами противоположных сущностей, состояний и явлений. Эта „когезия” посткорреферентная, т.е. вторично приобретенная, благодаря корреферентной сети в торжествующем гротесковом теле, которое надиндивидуальное, космическое. Оно является динамичной субстанцией, размывающей границы между вещами, переворачивающей иерархии, водворяющей свободу, вводящей „положительное отрицание” и обес-Формляющей клишированные Формы. Именно корреферентная внутренняя взаимосвязанность элементов в зоне гротеска делает из нее концепцию о мире и ценностную систему. Она провоцирует и ее оценочную функцию, которая превращает кажущиеся зрительно-зрелищные диссонансы в рефлексивные ассонансы, составляющие внутренне гармоничную и стройную философско-эстетическую платформу, символом которой может послужить оксимороническая аббревиатура крупного бароккового теоретика поэзии Мачея Кажимежа Сарбевского – „согласованная несогласованность” (*discordia concors*). В пользу гротесковой когеренции говорит и Михал Гловински, который тоже использует оксиморон, подчеркивая, что эти диссонансы не только функционализированы, но и гармонизированы [Głowiński 2000: 8]. Эта радикальная трансформативность когерентной природы и структуры гротеска приводит к переоценке стандартов – и языка, и коммуникации как выражения межчеловеческих отношений, и самой оценки.

Сила когерентных связей в гротесковой зоне превращает категорию в феномен самодостаточности (*trwanie w sobie samym*). Не случайно она отличается автономностью и относительной независимостью от контекста. С этой спецификой связаны и ее катаргическая, трансцендирующая и магическая функции – решающие для коммуникативной „когезии” между субъектами. И вот на гротесковой территории когеренция как трансгрессия когезии в виде стандарта ведет к новой, на этот раз спасительно-коммуникативной, „когезии”, достигнутой с просветленным сознанием, что традиционное представление о значении

„не имеет значения”. Снимая иерархии и ставя в один ряд гротесковые бытийности посредством изображения вечной „нарицательности” всего одушевленного и неодушевленного, когеренция одновременно пере-семантизирует, ко-семантизирует и транс-семантизирует бытийности, предоставляя им „равные права” общения как между ними, така и с реципиентами, а также между самими реципиентами как потенциальными гротесковыми „персонажами”. Когерентное сожителство всевозможных разнородных элементов, строящих контрафактический мир (который на самом деле оказывается более реальным, чем реальный), доказывает его право на существование рядом с традиционным миром, пронизанным иронией познания о мнимой пригодности бытия.

5.3. Гротесковая когеренция – коммуникабельна. Язык социализирует, но в конечном итоге изолирует – расширяет устои уверенности в собственной идентичности, оспаривает даже первичное открытие самого себя как субъекта, как „конкурентоспособной” целости, депрессирует, в то время как гротеск или гротесковый язык (посредством когеренции) индивидуализирует, чтобы объединить, реанимирует, чтобы восстановить и в конечном итоге ресоциализирует. Таким образом добивается вторичной когезии – предметов как универсальных бытийностей. Часть в гротеске – магическая „целость”, а гротесковая сущность – корреферентная структура таких частей-целостей, консолидирующихся в (и составляющих) глобальной целости гротесковой панорамы. Видимо, гротеск ступает на обратный путь – декомпозирует на части достигнутую телесную целость, заставляет целости превратиться снова в части, чтобы выявить их уникальность, а также интегритет, и вдохнуть в них космическую „исключительность”, которая в их гармонической оркестровке снова делает их целостью. В гротесковой зоне индивидуум проходит обратный коммуникативный путь – не от частей к целости (которая обеспечивает ему коммуникабельность в утилитар-

ном мире), а от целости к частям (ансамблю из „целостных” частей), одаренным новой целостностью, которые не делают его а-коммуникативным, а более коммуникативным, благодаря когерентной модели. Гротесковая когеренция освобождает субъект от восприятия Другого как кумира (или воплощенного императива для субординации), которому он должен подражать, и дает ему возможность воспринимать как равноценного, со-поставимого и соизмеримого партнера. Эта элитарная – в смысле космизирующей и трансцендирующей, эгалитарность – в смысле равноценности бытийностей, как функция когеренции, – создает оптимальные условия для полноценной, не фиктивной, коммуникации, при том на нескольких уровнях: 1. общения с самим Собой; 2. общения между гротесковыми элементами; 3. общения между Автором и „персонажами”, а также между Автором и его гротесковым творением; 4. общения между Читателем и „персонажами”, а также между Читателем и гротесковым творением; 5. общения между Автором и Читателем.

Силой и прочностью когерентных связей гротеск словно не только „восстанавливает”, смыслово и композиционно, изначальное единение индивидуума с Матерью как автоэротическая плотность, но и „изображает” его, т.е. на базе наглядности возбуждает самый важный человеческий орган чувств – зрение, которое приводит в движение все остальные органы чувств и „восстанавливает” первичное единство. 90% информации, почерпнутой из внешнего мира, человек воспринимает своими глазами. В этом мысленном порядке гротесковая когеренция имеет семиотический характер. В ее качестве трансформативной величины она возвращает обратно символ к семиотеке, а это означает спокойствие, душевное и соматическое равновесие для субъекта.

6.1. Гипостазы Формы⁹ как Анти-формальная трансформация в гротесковой зоне.

Сам Гомбрович в своем романе *Ferdynand* выясняет неизбежность

⁹ О месте и роли Формы в писательском деле В. Гомбровича см. статью Философия Формы в творчестве Витольда Гомбровича [Хамзе 2011].

нашей Формальной зависимости: „В действительности, однако, вещи выглядят так: человеческое существо не выражается напрямую и в согласии со своей природой, а всегда в определенной форме, и эта форма, этот стиль, способ существования, не происходит только от нас, а навязан нам извне, умно или глупо, кроваво или ангельски, зрело или незрело, в зависимости от стиля, с которым мы столкнулись, и от того, насколько мы зависимы от остальных людей” [F, 73–74, 78].

В этой перспективе, как замечает М. Белецки, субъект не находит свое место в языке и ни один языковой элемент не становится для него абсолютно собственным. Отсюда следует, что ни одно описание не может полностью соответствовать („подходить”) описываемому, что оно срывает полную экспрессию воспринимаемого и лишает субъект возможности пережить самые сокровенные чувства [по Bielecki 2014: 97–98]. Гомбрович прекрасно знает это: как во *Ferdynandzie*, так и в написанных между войнами эссе и рецензиях он делится следующим: „потому что Действительность всегда богаче наивных иллюзий и лживых фикций” [F, 73]; „Форма просачивается в нас отовсюду, давит на нас как изнутри, так и снаружи” (F, 45); „Потому что никакая форма, никакой стиль не выражает полную действительность” [PRK, 307]; „ни одна форма не равноценна моей действительности” [PRK, 271].

Поэтому гротеск не стремится описывать, он просто „рисует” (в литературе только языком), чтобы избежать эмоционально-экспрессивных и эстетических утрат.

6.2. Гротесковое пространство как трансформация

Гротеск представляет собой особую борьбу пространств (спациомахию) и исключительно интересную пространственную „метаморфозу”. С ее помощью индивидуум преодолевает страх и „свое семиотическое

отвращение” к угрозе внешнего. Гротесковая экстраполяция внутреннего мира, Семиотического, безболезненно сводит индивидуума с внешним, одаряет его силами дать ему отпор и в то же время не оставляет его на том же пространственном уровне, а возвышает на более высокую ступень – над оппозитивной горизонталью „внутреннее-внешнее”, трансформирующейся в вертикаль „внизу-наверх”. Так осуществляется трансцендирующая функция гротеска.

Мощное присутствие гротеска в мысленной парадигме и творчестве польского писателя „демонтирует” и нейтрализует оппозицию снаружи – внутри. Оба ее члена начинают обмениваться качествами, скрещиваться и незаметно меняться местами, даже ко-трансформироваться (переходить друг в друга), что усложняет онтологический статус пространства, релятивизирует какие бы то ни было границы и предостерегает от введения его в определенную формально-семантическую „капсулу”. Таким образом амбиваленции приобретают апоретический характер (от „апории” – термин Жака Дерриды).

Эта релятивизация (являющаяся очередным видом трансформации) пространства в гротесковой зоне наблюдается ярче всего в падежных отношениях, которые в принципе семантизируют пространство¹⁰.

Очевидно, что падежное управление глаголов в большой степени есть плод а-системности, „прорвавшей” систему и уже переставшей ощущаться как асистемность. Субъект ищет рациональное и логическое объяснение, чтобы „впихнуть” явление в систему и продолжить действовать далее автоматически. Гомбрович словно реанимирует и реабилитирует а-системность посредством гротеска и в падежных отношениях, показывает ее в обнаженном, дерзком виде, чтобы ее „узаконить”, „легитимировать” и посредством этой радикальной („анар-

хической”) операции – доказать, что она совершенно нормальна для языка и что на самом деле системность – исключительно гибкое, упругое, развивающееся и трансформативное понятие, что принимает и абсорбирует даже свой антипод, допуская его в свою „ауру” (мы снова в поле действующего оксиморона). Таким образом усиливает, заостряет, радикализирует уже существующее в языке или как „росток”, „робкая наличность”, или как надвигающееся дуновение, тенденция, предсказание...

„Бесшабашные” ассоциации Витольда излучают иронию стандартного мышления о „неприличии” как неприличии, и то согласно навязанному повсеместно человеческому стандарту. „Скандалное”, дейктированное (от дейксиса) сдвоение в космическом плане, которое будто перманентно ко-трансформирует бытийности (живую и неживую природу – птицу и ночь) одну в другую, усиленное посредством „гротесково-трансгрессивного” употребления актива-социатива путем выравнивания компонентов (*noc i ptak*), инессива, указывающего местонахождение во внутренней части объекта и наряду с этим играющего роль трансформатива, сливая воедино два предмета посредством проникновения птицы в ночь (*ptak w nocy*), и результативного социатива, который трансфигурирует их опять как равные, но индивидуализированные в Целости (т.е. они одновременно и обособленные, и целостные) сущности (*ptak z nocą*).

*Rzeczywiście, nie słyhać było jego oddechu... a jeśli nie spał, to widział, że ja przez okno wyglądałem... co nie byłoby niczym zdrożnym, gdyby nie noc i ptak, ptak w nocy, ptak z nocą*¹¹. [K, 12] (Здесь и далее подчеркивания мои – Д. Х.)

Вцепившись в упругую Форму аристократического превосходства и „право” классовой элиты не признавать простолудинов людьми, герой выступает „против” детей – демонстративно и вызывающе навязывает

¹⁰ О пространстве как омнисеманте в падежной панораме, о пространственной соотносительности в падежных связях, о пространственной интерпретации, издающей таксономический характер падежности, о необходимости в падежной редистрибуции и о попытке предложить новую пространственно-семантическую классификацию падежей, см. исследования: Аспекты на падежността (върху материал от полския език) [Хамзе 2012а], Аспекты падежности (на материалe польского языка) [Хамзе 2013а], Размисли върху падежните названия и представителните семантични роли на падежите в полски език [Хамзе 2013б].

¹¹ Правда, его дыхания не было слышно... а если он не спал, тогда видел, что я смотрел в окно... в чем не было ничего неприличного, если бы не ночь и птица, птица в ночи, птица с ночью [K, 12].

свою господскую маниакальность, но как любая Форма, даже и самая устойчивая, она не может избежать, разложения и бессилия перед Первичным очарованием ребенка с его изначальной Целостностью. Конфронтативное позиционирование – посредством еды! – выраженное контрессивом, выдает только „немошь” отживающего свой век шляхтича.

[...] *Konstanty zaś kazał przynieść jabłek i ostentacyjnie jadł rozrzucając lupiny. Jadł przeciwko dzieciom*¹² (F, 251).

6.3. Языковая „канонада” (оксиморон, неологизмы, солецизмы...) гротеска как обновительная трансформация и штурм против Формы.

Атрибутивное влечение остро поляризованных компонентов контрастивной пары в рамках *оксиморона*¹³ иллюстрирует их преобразовательное (и ко-трансформативное) естество. Внутренняя (между составляющими оксиморона) и внешняя (та, которую оксиморон в целом передает окружению) трансформативность представляют мощный когерентный оператор, обладающий Формодеструктивной функцией. Принципы оксиморона как *ex libris* философско-эстетической сущности гротеска (релятивный, диалектический, комплементарный, скалярный, синхронизационный, медиативный, модально-эпистемический, гносеологический, реверсивный, креативный) утверждаются в непрерывном политрансформативном процессе элементов с их „ковалентностью”.

Сплошная *неологизация* в Гомбровичевом творчестве с пространственной метаморфичностью ее проявлений – как отдельная лексема, синтаксическая секвенция, текстуальный сегмент или даже целое произведение – „воюет” против Формы до тех пор, пока в коммуникативном обмене не

приведет к межличностному и межкультурному просветлению. Неологизмы¹⁴ возрождают исконный драматизм субъекта, но находят и его „решение” путем слияния с Первозаданным посредством неоднозначности и неокончателности смысла. Неологизмы писателя – это не „фосфоресцирующие уникаты”, а игорно-псевдоэклетические сочетания популярного и знакомого языка, обладающие неподражаемым новаторским эффектом. Так Гомбрович не только показывает результат Формодеструкции (как трансформация), но словно прослеживает и включает реципиента в сам процесс Формораспада.

С помощью своих языковых находок¹⁵ (солецизмов – всевозможных языковых aberrаций и нарушений канона) писатель словно проникает глубоко в недра языковой материи с эстетической силой гротескового изображения (которое всасывает и преобразует ее), делает ее равноценной Первичному Единству, следовательно поддерживает наше существование и превращает слабость нашу в силу. Функционально-перформативная стихия гротескового языка писателя, „заставляющая” нас „переродиться” и пересотворить, обусловлена именно размещением „тектонических пластов” языка. Трансформируя в гротесковой зоне тиранический язык как инструмент для насилия, Гомбрович преследует Форму эвристикой своего идиолекта.

6.4. Стиль как гротесковая трансформация

Стиль¹⁶ – это возможно наиболее „мутное” понятие в лингвистике – оно „всеядно”, в него можно впихнуть чуть ли не все... Этот факт слишком обеспокаивающий, хотя на первый взгляд может показаться репрезентующим своей либеральной

открытостью и толерантностью ко „креативным” трансформациям, так как формализует стиль и словно лишает его содержания. Стилистическое „жонглирование” – лишь кажущаяся языковая привилегия, потому что недооценивает генетическую связь стиля с когнитивными процессами, связанными с концептуализацией и категоризацией явлений. Интуитивное языковое сознание, предопределяющее наш „стилевой” выбор, релятивизирует стилистическую норму, потому что не может быть обьято безысключительными правилами. В этом смысле трансформацию воспринимают не как „перевод”, „перенос”, „трансмиграцию” одного стиля в другой, а как трансмиссию определенного онтологично-познавательного опыта в семантико-стилевой конфигурации. Стиль рождается одновременно с семантикой (которая должна доказать свои коммуникативные основания), а не является ее „целлофаном”. Любой вербальный рефлекс автоматически материализуется как стиль. Коммуникация была бы невозможной, если бы мы планировали ее строго, выбирая четко определенные лексемы, каждая из которых обладает своим стилевым ярлыком в лексиконе соответствующего языка. В подобном ракурсе высказываются Анна и Петр Вежицких – по их мнению, хорош любой стиль, выполнивший достойно свою функцию, т.е. цель и предназначение свои (А. Вежицка, П. Вежицки 1969: 24).

Тереса Скубаланка констатирует, что стилистика на самом деле – это одна из семантик языка, точнее – прагматическая семантика (Скубаланка 1984: 14). А. Вежицка в своей монографии 1999 г. *Język – Umysł – Kultura* тоже относит стилистику к иллюкутивной семантике, какой по своей сути, по ее мнению, является прагматика. Автор

12 (...) Констанции, однако, приказал, чтобы принесли яблоки, и стал есть их напоказ, разбрасывая очистки вокруг. Ел против детей [F, 251].

13 Об оксимороне и его роли в гротескогенезе см. исследования: Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович [Хамзе 2013в] и The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz) [Hamze 2013 г]

14 Об экспрессии неологизмов как катализатор гротескогенеза см. Экспрессивный потенциал неологизмов как катализатор гротескогенеза (на материале романа „Космос” В. Гомбровича) [Хамзе 2014б] и Экспрессивният потенциал на неологизмите като катализатор гротескогенезата (върху материал от романа „Космос” на В. Гомбрович) [Хамзе 2015а]

15 О языковом новаторстве в доминированном гротеском творчестве В. Гомбровича см. исследования: Евристика на словото. Трансгресивните иновации на писателя (върху текстове на Витолд Гомбрович) [Хамзе 2012б] и Езиковата еквилибристика на Гомбрович – ефективна стратегия в борбата срещу нашествието на Формата [Хамзе 2012в]

16 О стиле и основаниях стилистики как науки см. исследования: «За» и «против» стилистики [Хамзе 2014в], Стилистиката на кръстопът [Хамзе 2015б].

говорит о стилях межличностных отношений (легших в основу иллюкутивных грамматик), которые отражают различные культуры и соответствующие им культурные семантики (Вежицка 1999: 293). В общей гуманитарной панораме стилистика еще ближе к искусствам, воплощая взгляд В.В. Виноградова о взаимосвязи стиля и эстетики. Из сказанного до сих пор следует ожидать, что стилевое присутствие и роль стиля в гротеске как эстетической категории – первостепенна. Стилестическая интерференция в Гомбровичевом творчестве воспринимается как напоминание и частичная восстановка целебного изначального Хаоса, Перводанной Целостности, которая, с конвенциональной точки зрения, воспринимается как „поскрипывание”, „прорыв”, „аттентат” в нормативной зоне. В трансформативной „централь” Гомбровича стиль есть одновременно первоисточник и результат, первопричина и следствие, мировоззрение и материя (инструментарий), индуктивная и дедуктивная, эмпирическая и логическая категория. Функция стиля в гротесковом паноптикуме писателя доказывает, что он является специфической (и специализированной) индивидуальной трансформацией кода, а каждый личностный выбор делает гибкой и индивидуализирует общевалидную языковую норму.

Стилистический оксиморон, сочетающий высокий, литературный, церемониально-торжественный стиль с фамильярно-просторечным стилем, посредством моментной психо-ментальной „релаксации” и рефлекторного „прыжка”, инсценирует Первичное Всеединство и коммуникативный интегритет.

Matka

Pamiętam jak to dawniej mnie prowadził Ksiądz Dziekan podczas wielkanocnych świąt...

17 Мать

Помню, как раньше сопровождал меня Его Преподобие Викарий в Пасхальные праздники.

А там стол накрыт, гости хором ведут приятные разговоры – благопристойные и изысканные!

Отец

В прошлом, сударь, человек садился за стол, укрытый безукоризненно белой скатертью – и лишь тогда гороховый суп лопал, да так, аж за ушами трещало словно в колокол бил или на трубе играл!

(...)

Мать

Прости нас, Генриш, а и ты, Владиш, за скромный прием...

Чем богаты тем и рады. Это суп из лошадиных кишок и кошачьей мочи [Ś, 109].

A tam stół zastawiony, goście chórem przyjemne wiodą rozmowę!

Ojciec

Dawnymi czasy, panie, człek do stołu zasiadał

Przy czysto białym obrusie – i dopiroż

Zupę grochową wcinał, ale to wcinał Jakby we dzwony bił, albo na trąbie grał!

(...)

Matka

Wybacz, Henryś, a i ty, Władysław, skromność przyjęcia...

Radziemy sobie jak możemy. To zupa z koński kiszki i koci szczyny¹⁷ [Ś, 109].

7.1. Гротеск как трансформативный код

Умберто Эко припоминает, что Соссюр вскользь говорит о „коде языка”, но несомненно Якобсон – тот, кто экстраполирует понятие „код” из теории информации и наряду с другими подобными терминами применяет его в лингвистике и в семиотике [Эко 1993: 189].

Код есть трансформация *par excellence* – он не является гарантией общения, а механизмом для осуществления превращения одной системы в другую. Как говорит У. Эко: „Какая разница, системы общения ли это, или какие-то другие системы. Главное, что это системы, общающиеся *между собой*” [Эко 1993: 187]. И продолжает: „Итак, еще при своем рождении идея кода окутана известной двусмысленностью: взаимосвязанная с одной общекоммуникативной гипотезой, она не является гарантией коммуникативности, а скорее всего – гарантией структурной упорядоченности и взаимной доступности между различными системами. Это двусмысленность, уходящая корнями в двойственное значение слова „коммуникация”: коммуникация, как *перенос* информации

между двумя полюсами, и вместе с тем, как *доступность* или *переход* информации между двумя пространствами. Два понятия взаимно „имплицитуют” друг друга [Эко 1993: 187].

Сама когеренция выражает кодированность гротеска. Гротеск можно рассматривать как „изобразительный” код для превращения одной системы в другую. Превращает языковую систему в гротесковую языково-эстетическую систему, а она, со своей стороны, снова вливается (или переворачивается) в „исходную” языковую систему. Эта битрансформативность обеспечивает взаимную доступность двух систем.

Произведенное исследование ведет к следующим результатам:

1. Учение Соссюра об языке как системе можно рассматривать как отправной пункт для прослеживания самых разнообразных внутренних трансформаций и ко-трансформаций, которые релятивизируют строгую, исходную системность и, дополняя ее некоторой а-системностью, увеличивают ее коммуникативные возможности и оплодотворяют межличностную интерференцию. Это показывает, что учение швейцарского лингвиста не является чисто лингвистическим учением. Оно опирается по существу на одну философскую концепцию.

2. В семиотическом ареале В. Гомбрович обнаруживает и выделяет трансформативную функцию гротескового языка, который возвращает язык к его праисточнику, припоминает ему его предысторию, чтобы обновить его, сделать более гуманным, более социативным и консолидирующим в его коммуникабельности. С помощью этого языка гротеск трансформирует и реабилитирует истинную коммуникацию.

3. Посредством символики Семиотического гротеска как эхография чело-

веческой психики воскрешает первичное, изначальное Всеединство и после этого вторично его символизирует.

4. Посредством всех своих операторов (оксиморона, перформативности, пространственно-падежных конфигураций, языковых „пертурбаций” (солецизмов), стилистических „акробатик”, гротеск показывает весь свой трансформативный потенциал как прорыв в системе, без которой мы все-таки не можем существовать, потому что формально обременены. Находясь в системе, мы эрозируем ее и „преодолеваем” ее непрерывно, чтобы поддерживать психический баланс.

5. В походе к преодолению культуры как уни-Форменности и стагнации, чей страж – официальный язык, гротеск как компенсаторный механизм является несомненным победителем.

6. Радикальная трансформативность, происходящая из когерентной природы и структуры гротеска, ведет к пере-оценке не только стандартов языка, но и стандартов коммуникации как выражения межличностных отношений. Она вызывает ревизию самого аксиологического процесса. Трансформативная когеренция гротеска дает преимущество эмоции и экспрессии, играющим первостепенную роль в межличностном общении. Именно когеренция как трансформация добивается ко-референтной внутренней взаимосвязанности элементов в зоне гротеска и делает из нее концепцию о мире и ценностную систему. Сила когерентных связей активизирует катартичную, трансцендирующую и магическую функции гротеска, являющиеся решающими для коммуникативной „когезии” между субъектами.

7. Гротеск трансформирует и реабилитирует полноценную коммуникацию. Гротесковый дискурс – это благотворная трансформация общественного дискурса. Когерентная трансформативность в рамках гротескового изображения порождает новый тип дискурса, ведущий к новому типу общения и новым межличностным отношениям посредством:

а) сублимации частей, которые словно приобретают „целостность” и возвращают к Первичному Единению.

б) эгалитаризирования бытийностей как эталон межличностного сплочения.

в) поэтизации дискурса, опозитивирования коммуникативного обмена.

г) эстетической (и магической) функции гротескового изображения, которая тоже сплачивает коммуникантов и укрепляет межличностные отношения; перешагивает через границы, как само искусство, для которого не существует территориальных и языковых барьеров.

8. Трансформативно-перформативная сила гротеска выражается не в удалении абъекта или его нейтрализации, а в его эстетическом конфигурировании. Благодаря ему осуществляется возвращение к Семиотическому и экстериоризация трагедии индивидуума, которая „сублимирует” с помощью эстетики.

9. Стилиевая креолизация в гротесковом творчестве Гомбровича тоже ассоциируется с витальностью первичного Хаоса. Она несет индивидуальный артистический почерк автора, который сознательно „наносит урон престижу” языковой нормы, раскрывая другие, неподозреваемые возможности для увеличения ее гибкости, а также для успешной социализации индивидуумов.

10. Гротеск или гротесковый язык – посредством когеренции – индивидуализирует, чтобы объединить, реанимирует, чтобы воссоздать, и в конечном итоге ре-социализирует.

11. Лингвотрансформативная функция гротеска как решающего фактора в коммуникативном обмене и в борьбе против Формы со всеми ее „метагазами” в состоянии привести к межличностному и междивизиационному просветлению и взаимопониманию.

12. Можем даже говорить о гротесковой „методологии”, служащей и образцом, и источником, и стимулом для трансформации.

13. Гротеск можно рассматривать как „изобразительный” код для превращения одной системы в другую, что не только обеспечивает им взаимный доступ, но стимулирует и коммуникативные процессы между ними.

Reference:

1. Bakhtin 1978: Bakhtin, M. *Tvorchestvoto na Fransoa Rable i narodnata kultura na srednovekoviyeto i*

renesansa [Creativity of Franco Rabelais and the national culture in the Middle Ages and Renaissance]. – Sofiya., Nauka i izkustvo [Science and Art], 1978. <https://doi.org/10.1093/camqtly/xxiii.2.166>

2. Beletski 2014: Bielecki, M. *Widma nowoczesności. Ferdynand Witolda Gombrowicza*. – Warszawa., IBL, 2014.

3. Boyadzhiev 1992: Boyadzhiev, ZH. *Ferdinand d'o Sosyur i s'vremennata lingvistika* [Ferdinand de Saussure and the contemporary linguistics]. V: Sosyur, F. *Kurs po obshcha lingvistika* [Course in General Linguistics]. – Sofiya., Nauka i izkustvo [Science and Art], 1992, pp. 7-28.

4. Vezhbtska, Vezhbtski 1968: Wierzbicka, A., P. Wierzbicki, *Praktyczna stylistyka* [Practical styling]. – Warszawa., Wiedza Powrzechna, 1968.

5. Vezhbtska 1999: Wierzbicka, A. *Język – Umysł – Kultura* [Culture]. – Warszawa., PWN, 1999.

6. Glovinski 2000: Głowiński, M. *Intertekstualność, groteska, parodia* (Szkice ogólne i interpretacje) [Intertextuality, grotesque, parody (General Sketches and Interpretations)]. – Kraków., Universitas, 2000.

7. Yeko 1988: Yeko, U. *Semiotika i filosofiya na yezika* [Semiotics and philosophy of language]. – Sofiya., Nauka i izkustvo [Science and Art], 1988.

8. Zalevskaya 2012: Zalevskaya A.A. *Znachenie slova i metafora „zhivoyopolikodovyy gipertekst”* [The word meaning and the «living hypertext» metaphor]. In: *Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences*. – London., IASHE, 2012, pp. 189–191; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

9. Skubalanka 1984: Skubalanka, T. *Historyczna stylistyka języka polskiego* [Historical stylistics of the Polish language]. – Wrocław., Wydawnictwo im. Ossolińskich, 1984.

10. Khamze 2011: Khamze, D. *Filosofiya na Formata v tvorchestvoto na Vitold Gombrovich*. V: *Dumi sreshchu*

dogmi. Sbornik s dokladi ot Dvanadesetata natsionalna konferentsiya za studenti, doktorati i srednoshkoltsi. [Philosophy of the Form in works of Witold Gombrowicz: Words against dogmas. Collection of reports of the 20th national conference for University and secondary schools students, and doctors of sciences] – Plovdiv., Kontekst, 2011, pp. 196–206.

11. Khamze 2012a: Khamze, D. Aspekti na padezhnostta (vvrkhu material ot polskiya yezik) [Aspects of cases (on materials of the Polish language)]. V: Nauchni trudove na PU „P. Khilendarski”, Vol. 50, book. 1, SB. V.–Plovdiv., Publishing of PU „P. Khilendarski”, 2012, pp. 412–428.

12. Khamze 2012b: Khamze, D. Yevristika na slovoto. Transgresivniteinovatsii na pisatelya (vvrkhu tekstove na Witold Gombrovich). V: Godishnik Nauka – Obrazovaniye – izkustvo [Heuristics of speech. Transgressive innovations of the writer (texts by Witold Gombrowicz): Annual edition: Science-Education-Art], Vol. 6, Part 2. – Blagoyevgrad., Svyuz na uchenite – Blagoyevgrad, 2012, pp. 173–180.

13. Khamze 2012v: Khamze, D. Yezikovata yekvilibrizatsiya na Gombrovich – yefektivna strategiya v borbata sreshchu nashestviyeto na Formata. V: Slavistikata v globalniya svyat – predizvikatelstva i perspektivi [Language equilibristic of Gombrowicz - effective strategy to combat the invasion into the Form: Slavic studies in a globalized world - challenges and prospects]. – Blagoyevgrad., University Publ. „Neofit Rilski”, 2012, pp. 205–214.

14. Khamze 2013a: Khamze, D. Aspekty padezhnosti (na materiale pol'skogo yazyka) [Aspects of cases (on materials of the Polish language)]. In: LXX International Scientific and Practical Conference «Language means of preservation and development of cultural values», III stage of the championship in philology (November 10 – November 15, 2013). – London., Published by IASHE, 2013, pp. 48–57. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/34522>

15. Khamze 2013b: Khamze, D. Razmisli vvrkhu padezhnite nazvaniya i predstavitelnite semantichni roli na padezhite v polski yezik. V: Nauchna sesiya: „Mezhdunarodna konferentsiya na mladite ucheni 13–15 yuni”

Seriya V. Tekhnika i tekhnologiiya [Reflections on maturity names and relevant semantic maturity roles in Polish.: Scientific session: «International Conference of Young Scientists, June 13–15» Series V: Engineering and Technology], Vol. XVI. – Plovdiv., Svyuz na uchenite v Blgariya [Union of Scientists in Bulgaria], 2013, pp. 318–324.

16. Khamze 2013v: Khamze, D. Oksimoron – groteskovata armatura v tvorchestvoto na V. Gombrovich. V: Aktualni problemi na blgaristikata i slavistikata. Vtora mezhdunarodna konferentsiya [Oxymoron as a grotesque fixture in the work of W. Gombrowicz. V: Current Problems of Bulgarian and Slavic studies. Second International Conference], November 9–10, 2012. – Veliko Tŕnovo., VTU „Sv. sv. Kiril i Metodiy”, 2013, pp. 414–423.

17. Khamze 2013g: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz). In: Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. – St. Louis, Missouri, USA, 2013, pp. 383–390.

18. Khamze 2014a: Hamze, D. „Zapada zmierzch...” – kognitywno-konotatywne implikacje pojęcia w twórczości W. Gombrowicza”. W: Zmierzch w literaturze i kulturze [«Twilight falls ...» - cognitive-connotative implications of the concept in W. Gombrowicz's work.]. In: Twilight in literature and culture], red. B. Tomalak, A. Matuszek, E. Gajewska. – Bielsko-Biała., Wydawnictwo Naukowe ATH, 2014, pp. 179–196.

19. Khamze 2014b: Khamze D. Ekspresivnyy potentsial neologizmov kak katalizator groteskogenezata (na materiale romana „Kosmos” V. Gombrovicha) [Expressive potential of neologisms as a catalyst for the genesis of grotesque (based on the novel «Cosmos» by W. Gombrowicz)]. In: Problems of combination of individualization and Unification in language systems within modern communicative trends. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XC International Research and Practice Conference and III stage of the Championship in Philology (London, October 09 – October 14,

2014). – London., Published by IASHE, pp. 28–34. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/55743>.

20. Khamze 2014v: Khamze, D. «Za» i «protiv» stilistiki. V: TEKST, KONTEKST, INTERTEKST. Sbornik nauchnykh statey. Vinogradovskiyechteniya [«Pros» and «cons» in stylistics. V: TEXT, CONTEXT, INTERTEXT. Collection of scientific papers. Vinogradov readings]. Vol. 2. – Moskva., VividArt, 2014, pp. 15–24.

21. Khamze 2015a: Hamze D., Yekspresivniyat potentsial na neologizmite kato katalizator groteskogenezata (vvrkhu material ot romana „Kosmos” na V. Gombrovich) [Expressive potential of neologisms as the catalyst of genesis of grotesque (on materials of the novel «Space» by W. Gombrowicz)]. W: „Poznańskie studia slawistyczne” [In: «Poznan Slavic Studies»], No. 8. – Poznań., UAM, 2015, pp. 349–366.

22. Khamze 2015b: Khamze, D. Stilistikata na krystopst. V: Slavistikata – pŕtishcha i perspektivi [Stylistics at a junction. V: Slavic studies - roads and perspectives]. Yubileyn sbornik, posveten na prof. dfn. Ivanka Gugulanova [Anniversary collection, dedicated to Prof. Ph.D. Ivank Gugulanov]. – Plovdiv., Universitetsko izdatelstvo, 2015

Эксперпированная литература:

1. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. Ferdurdurke. – Warszawa., Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; сокp. F.

2. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. Ślub, Dzieła, tom IV. Dramaty. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, s. 89–224; сокp. Ś.

3. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. Operetka, Dzieła, tom IV. Dramaty. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, s. 225 – 322; сокp. O.

4. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; сокp. TA.

5. Гомбрович 1997: Gombrowicz, W. Publicystyka. Wywiady. Teksty różne 1963– 1969, przeł. I. Kania, B. Baran, K. Bielas, F. M. Cataluccio, R. Kalicki, Z. Kruszyński, K. Lesman. – Kraków.,

Wydawnictwo Literackie, 1996, сокр. PWT II.

6. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. Kosmos. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2000; сокр. К.

Литература:

1. Бахтин 1978: Бахтин, М. Творчеството на Франсоа Рабле и народната култура на средновековието и ренесанса. – София., Наука и изкуство, 1978. <https://doi.org/10.1093/camqtly/xxiii.2.166>

2. Белецки 2014: Bielecki, M. Widma nowoczesności. Ferdynard Witolda Gombrowicza. – Warszawa., IBL, 2014.

3. Бояджиев 1992: Бояджиев, Ж. Фердинанд дьо Сосюр и съвременната лингвистика. В: Сосюр, Ф. Курс по обща лингвистика. – София., Наука и изкуство, 1992, с. 7–28.

4. Вежбицка, Вежбицки 1968: Wierzbicka, A., P. Wierzbicki, Praktyczna stylistyka. – Warszawa., Wiedza Powszechna, 1968.

5. Вежбицка 1999: Wierzbicka, A. Język – Umysł – Kultura. – Warszawa., PWN, 1999.

6. Гловински 2000: Głowiński, M. Intertekstualność, groteska, parodia (Szkice ogólne i interpretacje. – Kraków., Universitas, 2000.

7. Еко 1988: Еко, У. Семиотика и философия на езика. – София., Наука и изкуство, 1988.

8. Залевская 2012: Залевская, А.А. Значение слова и метафора „живой-поликодовый гипертекст”, In: Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. – London., IASHE, 2012, Pp. 189–191; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

9. Скубаланка 1984: Skubalanka, T. Historyczna stylistyka języka polskiego. – Wrocław., Wydawnictwo im. Ossolińskich, 1984.

10. Хамзе 2011: Хамзе, Д. Философия на Формата в творчеството на Витолд Гомбрович. В: Думи срещу догми. Сборник с доклади от Два-

надесетата национална конференция за студенти, докторати и средношколци. – Пловдив., Контекст, 2011, с. 196–206.

11. Хамзе 2012а: Хамзе, Д. Аспекти на падежността (върху материал от полския език). В: Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски”, том 50, кн. 1, СБ. В. – Пловдив., Издателство на ПУ „П. Хилендарски”, 2012, с. 412–428.

12. Хамзе 2012б: Хамзе, Д. Евристика на словото. Трансгресивните иновации на писателя (върху текстове на Витолд Гомбрович). В: Годишник Наука – Образование – изкуство. Том 6, част 2. – Благоевград., Съюз на учените – Благоевград, 2012, с. 173–180.

13. Хамзе 2012в: Хамзе, Д. Езикова еквилибристика на Гомбрович – ефективна стратегия в борбата срещу нашествието на Формата. В: Славистиката в глобалния свят – предизвикателства и перспективи. – Благоевград., Университетско издателство „Неофит Рилски”, 2012, с. 205–214.

14. Хамзе 2013а: Хамзе, Д. Аспекти падежности (на материал от полския език) В: LXX International Scientific and Practical Conference «Language means of preservation and development of cultural values» / III stage of the championship in philology (November 10 – November 15, 2013). – London., Published by IASHE, 2013, с. 48–57. эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/34522>

15. Хамзе 2013б: Хамзе, Д. Размисли върху падежните названия и представителните семантични роли на падежите в полския език. В: Научна сесия: „Международна конференция на младите учени 13–15 юни” Серия В. Техника и технология, том XVI. – Пловдив., Съюз на учените в България, 2013, с. 318–324.

16. Хамзе 2013в: Хамзе, Д. Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович. В: Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Втора международна конференция, 9 – 10 ноември 2012 г. – Велико Търново., ВТУ „Св. св. Кирил и Методий”, 2013, с. 414–423.

17. Хамзе 2013г: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron

(on works by W. Gombrowicz). In: Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. – St. Louis, Missouri, USA, 2013, p. 383–390.

18. Хамзе 2014а: Hamze, D. „Zapada zmierzch...” – kognitywno-konotatywne implikacje pojęcia w twórczości W. Gombrowicza”. W: Zmierzch w literaturze i kulturze, red. B. Tomalak, A. Matuszek, E. Gajewska. – Bielsko-Biala., Wydawnictwo Naukowe ATH, 2014, p. 179–196.

19. Хамзе 2014б: Хамзе Д. Экспресивный потенциал неологизмов как катализатор гротескогенеза (на материал от романа „Космос” В. Гомбровича). – In: Problems of combination of individualization and Unification in language systems within modern communicative trends. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XC International Research and Practice Conference and III stage of the Championship in Philology (London, October 09 – October 14, 2014). – London., Published by IASHE, с. 28–34. эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/55743>.

20. Хамзе 2014в: Хамзе, Д. «За» и «против» стилистики. В: ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ. Сборник научных статей. Виноградовские чтения. Том 2. – Москва., VividArt, 2014, с. 15–24.

21. Хамзе 2015а: Hamze D., Экспресивный потенциал на неологизмите като катализатор гротескогенезата (върху материал от романа „Космос” на В. Гомбрович). W: „Poznańskie studia slawistyczne”, Nom. 8. – Poznań., UAM, 2015, s. 349–366.

22. Хамзе 2015б: Хамзе, Д. Стилистиката на кръстопът. В: Славистиката – пътища и перспективи. Юбилеен сборник, посветен на проф. д-р. Иванка Гугуланова. – Пловдив., Университетско издателство, 2015, с. 267–281.

Information about author:

1. Dmitrina Hamze – Assistant, Plovdiv University «Paisii Hilendarski»; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: didiham@abv.bg

THE ISSUE OF THE SYMBOLIC SYSTEM IN THE SEMIOTIC ASPECT

M.A. Balasanyan, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of «Russian Philology» of Educational faculty of Humanities and Social Sciences
Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

This paper is related to the main concepts and their connection with the similar punctuation marks. The definition of the essence of language and punctuation marks, its connection with a word and also the aspects of lexical meaning the word (significant, structural, emotional and denotational) are discussed. The role of connotation in the semantic structure of the word is indicated.

Keywords: semantic structure, significant, structural, emotional and denotational word meaning.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

О ВОПРОСЕ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Баласания М.А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления «Русская филология» факультета Просвещения, гуманитарных и социальных наук
Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия

Статья связана с основными понятиями и их связью с аналогичными знаками пунктуации. Обсуждаются определение сущности языка и знаков препинания, ее связь со словом, а также аспекты лексического значения слова (значимые, структурные, эмоциональные и денотационные). Указывается роль коннотации в семантической структуре слова.

Ключевые слова: семантическая структура, значимое, структурное, эмоциональное и денотационное значение слова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1588>

Что подразумевает семиотика под знаком? Самое первое – это виды знаков, с которыми мы встречаемся в обыденной жизни, такие как, дорожные знаки, знаки Зодиака, цвет числа в календаре, рукопожатие. Е.Г. Крейдлин, отмечая знаковый характер жестов, подчеркивает, что «...жесты служат для выражения некоторого, по большей части конвенционального смысла, подлежащего лексикографированию» (2, с.19).

Общие принципы семиотики, как науки о знаках, были заложены независимо друг от друга Ч. Пирсом, и Ф. де Соссюром в процессе наблюдений над естественным языком.

Влияние структурной лингвистики ощущается и сегодня. Основной постулат семиотики «знак» принадлежит именно ей. Понимание языка как частного случая семиотической системы (Пражская лингвистическая школа), понимание знака как единства «означаемого» и «означающего» (Л. Ельмслев) – влияние именно соссюровской традиции.

Таков, например, компонентный анализ значения, заключающийся в его разложении на минимальные семантические составляющие, и очень важный для установления парадигматических отношений в лексике (ЛСП, ЛСГ, синонимы и т.п.). При его помощи устанавливаются и допустимые синонимические преобразования языкового знака.

Большой вклад в развитие семиотики в 1960-1970 годах XX века

внесли французская (К. Леви-Строс, А. Грейман, Ц. Тодоров, Р. Барт, Ю. Кристева) и тартуско-московская семиотические школы (Ю. Лотман, З. Минц, И. Чернов – Тарту; В. Топоров, В. Иванов, Ю. Степанов, Н.И. Ревзин – Москва).

Однако корни многих семиотических понятий восходят к далёкому прошлому: Блаженному Августину (IV-Vв.в.); средневековому учению о «тривиуме» – цикле из трёх наук (грамматика, логика, риторика), которым в современной семиотике соответствуют синтактика, семантика и прагматика; логико-лингвистическим учениям схоластов XII-XIV в.в. о «сущностях» и «качествах» (акциденция), о «суппозициях» (подстановке терминов). Много восприняла семиотика в учении Дж. Локка о разуме и языке, в идеях Г. Лейбница, в работах языковедов-философов В. фон Гумбольдта, А. Потебни, К. Бюлера, И. Бодуэна де Куртенэ.

Так, в частности, А.А. Потебня большое внимание уделил разработке теории внутренней формы слова. Надо отметить, что он относил к знакам только слово. По Потебне, слово состоит из трёх элементов: *звука* (или комплекса звуков), *знака* или представления и *значения*.

Наука, изучающая знаки и знаковые системы, называется – *семиотикой*. Основателем семиотики как науки считается Ч.С. Пирс, который и ввёл сам термин.

Статус семиотики как научной дисциплины всё ещё остаётся спорным. Так, Е. Горный считает, что «...семиотика – это средство рассмотрения чего угодно в качестве знаков и знаковых систем. Её объектом является *всё*, что означает, что у неё *вообще нет объекта* (или, по крайней мере, нет своего специфического объекта)... для большинства людей остаётся полной загадкой, чем именно занимается семиотика и каковы её цели» [3, с. 168]. Эту точку зрения разделяет и Н.С. Сироткин: «До сих пор нет ясных общепринятых критериев в том, что касается фундаментальных понятий семиотического знания; нет общепринятых критериев для разграничения знакового и незнакового» [4, с. 6].

Несмотря на подобные отзывы, семиотика, в частности семиотика языка, сформировалась как наука и имеет свой объект – знаковую систему, что зафиксировано и в лексикографических источниках последних лет.

Однако не всё вокруг нас может быть знаком. Е.Г. Крейдлин, говоря о жестах как знаках, имеющих означаемое и означающее (кивание, рукопожатие, подмигивание, взмах руки и т.п.), противопоставляет им движения: движениями, а не жестами являются, например, вращение головы из стороны в сторону, когда шею натирает тугий воротничок, смена положения ног в случае, когда

они затекли от долгого сидения нога на ногу, почёсывание, когда чешется, гримасы боли, горизонтальное положение спящего, чихание в норме не имеет знаковой или семиотической функции. «Ведь человек чихает не для того, чтобы выразить или передать какой-то смысл... информировать собеседника о неполадках в системе дыхания» [2, с. 19]. Не имеют знаковой функции и звуки окружающего нас мира: журчание воды, шуршание опавших листьев и т.п. совершенно лишены знаковой функции. Но в случае, если они приобретают присущую знаку двусторонность, эти звуки могут стать знаками и передавать определённую информацию: журчание ручья сообщает истомлённому от жажды путнику, что вода близко и он может утолить жажду; шуршание опавших листьев является знаком для оленя, что опасность близка и он настораживается, а для охотника, что приближается животное.

Поэтому различия знака и не-знака не должно быть связано с трудностями. Что касается языкового знака, то критерии для его определения существуют на разных уровнях языковой системы. А.А. Уфимцева подчёркивает, что «... в своей совокупности знаки языковые образуют своего рода знаковую систему – язык... Две стороны знака языкового, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение... Наиболее типичным знаком языковым является слово» [5, с. 167].

Область изучения семиотики включает много теоретических позиций и методологических инструментов средств из разных наук. Одно из самых широких определений ей даёт Умберто Эко, который заявляет, что «семиотика интересуется всем, что может быть принято за знак». По определению Г. Клауса, семиотика является общей теорией языковых знаков и их связей друг с

другом, с мышлением, с объективной реальностью и человеком.

Семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, в художественной литературе, в отдельном произведении художественной литературы, в архитектуре, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений. Но везде её непосредственным предметом является *информационная система*, система, несущая информацию, и элементарное ядро этой системы – *знаковая система*. Какими бы ни были такие системы – действуют ли они в обществе, в природе или отдельном человеке (его организме, мышлении и психике) – они предмет семиотики.

Информационный мир, окружающий семиотику, постоянно меняется, и семиотика фиксирует эти изменения. На наших глазах создаётся *единый информационный мир*, подобный единому миру природы вокруг нас. Но в его единстве сохраняются первоначальные следы двойственности – с одной стороны мира художественной литературы, с его собственным единством в виде литературно – художественной *интертекстуальности, интертекста*, и, с другой стороны, мира техники и науки, также с его собственным единством в виде *национальных и транснациональных систем научно-технической информации, т.е. инфосферы*. При этом «интертекст» следует понимать не как собрание «точечных» цитат из различных авторов..., но как пространство схождения всевозможных цитаций» (6, с. 37). Итак, *интертекст и инфосфера* – это два ключевых термина, характеризующих новое в семиотике, т.е. семиотику XXI века.

References:

1. Stepanov Yu.S. Semiotika. Antologiya [Semiotics. Anthology]. – Moskva., Akademicheskii Proyekt [Academic Project], 2001.
2. Kreydlin G.Ye. Neverbal'naya semiotika v yeyo sootnoshenii s verbal'noy [Nonverbal semiotics in its relation to the verbal one]., ADD. – Moskva., 2000.

3. Gornyy Ye. Chto takoye semiotika. V sb. «Raduga» [What is semiotics. In the collection “Rainbow”]. – Moskva., 1996.

4. Sirotkin N.S. O nezavershimosti semioticheskogo znaniya. Zhurnal «Futurum Art» [The incomprehensibility of semiotic knowledge. The journal “Futurum Art”], issue. 7. – Moskva., 2004.

5. Todorov TS. Semiotika literatury. Elektronnaya versiya [Semiotics of Literature. Electronic version]. 2003. <https://doi.org/10.1093/screen/14.1-2.15>

6. Yazykoznanie. Entsiklopediya [Linguistics. Encyclopedia]. – Moskva., 2001. <https://doi.org/10.4324/9780203644645>

Литература:

1. Степанов Ю.С. Семиотика. Антология. – Москва., Академический Проект, 2001.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в её соотношении с вербальной, АДД. – Москва., 2000.
3. Горный Е. Что такое семиотика. В сб. «Радуга». – Москва., 1996.
4. Сироткин Н.С. О незавершённости семиотического знания. Журнал «Футурум Арт», вып. 7. – Москва., 2004.
5. Тодоров Ц. Семиотика литературы. Электронная версия. 2003. <https://doi.org/10.1093/screen/14.1-2.15>
6. Языкознание. Энциклопедия. – Москва., 2001. <https://doi.org/10.4324/9780203644645>

Information about author:

1. Mariana Balasanyan – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of “Russian Philology” of Educational faculty of Humanities and Social Sciences, Samtskhe-Javakheti State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

ON THE ISSUE OF TRANSLATION EQUIVALENCE

N.N. Ababilova, Candidate of Education
Nikolaev National University named after
V.A. Sukhomlinsky, Ukraine

The author considers the main approaches to defining the concept of "equivalence". The author analyses the points of view of domestic and foreign scientists regarding this linguistic phenomenon.

Keywords: equivalence, equivalent, source language, translation, target language.

Conference participant

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Абабилова Н.Н., канд. пед. наук
Николаевский национальный университет
им. В.А. Сухомлинского, Украина

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «эквивалентность». Автор анализирует мнения отечественных и зарубежных ученых относительно данного лингвистического феномена.

Ключевые слова: эквивалентность, эквивалент, перевод, язык перевода, язык оригинала.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1589>

Перевод, являясь особым видом деятельности, заключается в полной соответствующей замене текста оригинала текстом перевода. Но в связи с несоответствием отдельных элементов содержания в языках оригинала и перевода, различиях в грамматическом строе языков, стилистических особенностях, полное соответствие невозможно и мы можем наблюдать смысловые и/или художественные потери, что может приводить к отсутствию абсолютного равенства между оригиналом и переводом. В данном случае возникает вопрос об эквивалентности, которой отечественные и зарубежные ученые (Л. Бархударов, В. Виноградов, В. Гак, Дж. Кэтфорд, Р. Миньяр-Белоручев, Ю. Найда, Л. Нелюбин, Я. Рецкер, А. Федоров, А. Швейцер, Р. Якобсон и другие) посвятили свои труды. Однако до сих пор содержание и объем указанного понятия вызывают противоречия в среде ученых.

П. Топер, отмечая разнообразие мнений о том, когда и откуда вошел в теорию термин «эквивалент», считает установленным факт, что впервые это понятие стало употребляться в современном переводоведении по отношению к машинному переводу, а к переводу «человеческому» его предложил Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959) [7].

С философской точки зрения эквивалентность любых объектов означает их равенство в определенном отношении. Однако принципиального равенства объектов во всех отношениях не бывает. Это подчеркивает диалектическую относительность эквивалентно-

сти: всякий объект действительности уникальн, индивидуальн.

Анализ справочной литературы доказал, что понятие «эквивалент» чаще всего трактуется как нечто «равноценное, равнозначное, равносильное». Несмотря на это, в переводоведении данный феномен анализировался по-разному.

В то время как Ю. Найда выдвигал предположение о том, что суть понятия «эквивалентность» зависит от лингвистической ситуации [8], Дж. Кэтфорд считал этот термин ключевым в определении перевода, а центральную задачу теории перевода видел в определении природы переводческой эквивалентности и условиях ее достижения [9].

По мнению В. Комиссарова проблема переводческой эквивалентности состоит в попытке найти в содержании оригинала определенную инвариантную часть, сохранение которой является необходимым и достаточным для достижения эквивалентности перевода. Иными словами, если перевод может выполнить одну и ту же функцию или описывает ту же реальность, то он эквивалентен. Ученый определяет эквивалентность как «смысловую общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи» [3, с. 58]. Перевод считается плохим, если его получатель будет постоянно или периодически ощущать, что он имеет дело с текстом, переведенным с иностранного языка. Это мешает полноценному восприятию содержания текста и обычно это случается, когда в переводе переносятся нормы исходного языка в язык перевода.

Эмпирическим считается подход Л. Латышева, сущность которого заключается в том, чтобы не пытаться решать, в чем должна заключаться общность перевода и оригинала, а сопоставить большое количество реально выполненных переводов с их оригиналами и посмотреть на чем основывается их эквивалентность [4].

В теории перевода эквивалентность – это сохранение относительно равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Целесообразно подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего, общность понимания информации, содержащейся в тексте, включая и ту, что влияет не только на разум, но и на чувства реципиента, и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и многогранность этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и другими характеристиками. Причем все указанные в дефиниции параметры должны сохраняться в переводе, но степень их реализации будет различной в зависимости от текста, условий и способа перевода. Эквивалентность перевода оригиналу всегда понятие относительное. И уровень относительности может быть

очень разным. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от мастерства переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов [1; 2].

Определения В. Виноградова и Л. Бархударова обширны, включают в себя множество требований к эквивалентности перевода, среди которых можно выделить следующие общие требования: сохранение равенства в передаче различных типов информации, то есть, содержательного плана.

При нынешнем уровне развития теоретических переводоведческих студий толкование понятия эквивалентности служит основой для формирования различных моделей перевода, для каждой из которых актуально разделение единиц перевода на эквивалентные и безэквивалентные. К последним, с точки зрения Т. Левицкой и А. Фитерман, принадлежат такие единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода [5].

Как справедливо отмечает В. Комиссаров, безэквивалентные единицы делятся на безэквивалентную лексику и безэквивалентные грамматические формы и конструкции. К первым относят неологизмы, реалии, имена собственные. Отдельные морфологические формы (герундий), части речи (артикуль) и синтаксические структуры (абсолютные конструкции) относят к безэквивалентным грамматическим единицам [3].

Таким образом, нет четкого и конкретного определения понятия «эквивалентность», а значит, его суть можно определить через такие термины, как «равнозначность содержания», «равенство информации». В большей степени акцент при трактовке данного понятия делается именно на сохранение и передачу плана содержания оригинала в переводе. Эквивалентность перевода оригиналу можно рассматривать как наиболее объективный критерий для характеристики результатов деятельности переводчика, а эквивалентность содержания оригинала и перевода будет тем больше, чем больше элементарных смыслов будет в них совпадать. Тем не менее, не всегда достижение максимальной эквивалентности оказывается обязательным и желательным.

References:

1. Barkhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliyskogo yazyka [Essays on the morphology of modern English] L.S. Barkhudarov. – Moskva., Vyssh. shk. [High school], 1975. – 156 p.
2. Vinogradov, V.S. Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical issues)], V.S. Vinogradov. – Moskva., Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya [Publishing house of the Institute of General Secondary Education] RAO, 2001. – 224 p.
3. Komissarov V.N. Lingvistika perevoda [Linguistics of translation], V.N. Komissarov. – Moskva., LKI, 2007. – 176 p. <https://doi.org/10.1075/babel.31.4.04kom>
4. Latyshev L.K. Kurs perevoda. Ekvivalentnost' perevoda i sposoby yeyo dostizheniya [The course in translation. Equivalence of translation and ways of achieving it], L.K. Latyshev. – Moskva., Academy, 2003. – 192 p.
5. Levitskaya, T.R., Fiterman, A.M. Teoriya i praktika perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy [Theory and practice of translation from English into Russian], T.R. Levitskaya, A.M. Fiterman. – Moskva., Izdatel'stvo literatury na inostrannom yazyke [Publishing house of literature in a foreign language], 1963. – 263 p.
6. Parshin A.N. Teoriya i praktika perevoda [Theory and practice of translation], A.N. Parshin. – Moskva., Russian lang. 2000. – 161 p.
7. Toper P.M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya: monografiya [Translation in the system of comparative literary studies: monograph], P.M. Toper; Otv. red. N.K. Gey. – In-t mirovoy lit.im. A.M. Gor'kogo RAN [The Gorky Institute of World Literature, RAS], 2001. – 253 p.
8. Catford, J.C. A linguistic theory of translation., J.C. Catford. – 1965., Access mode: <http://ru.scribd.com/doc/97199603/95074003-J-C-Catford-A-Linguistic-Theory-of-Translation-Oxford-Univ-Press-1965> <https://doi.org/10.2307/323020>
9. Nida, E. Toward a Science of Translating., E. Nida. – Leiden, 1964a. –

331 p. <https://doi.org/10.2307/411603>

Литература:

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. – Москва., Высш. шк., 1975. – 156 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст], В.С. Виноградов. – Москва., Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода., В.Н. Комиссаров. – Москва., ЛКИ, 2007. – 176 с. <https://doi.org/10.1075/babel.31.4.04kom>
4. Латышев Л.К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л.К. Латышев. – Москва., Академия, 2003. – 192 с.
5. Левицкая, Т.Р., Фитерман, А.М. Теория и практика перевода с английского языка на русский [Текст], Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – Москва., Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. – 263 с.
6. Паршин А.Н. Теория и практика перевода., А.Н. Паршин. – Москва., Русский язык, 2000. – 161 с.
7. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения: монография [Текст], П.М. Топер; Оtv. ред. Н.К. Гей. – Ин-т мировой лит.им. А.М. Горького РАН, 2001. – 253 с.
8. Catford, J.C. A linguistic theory of translation [Electronic resource], J.C. Catford. – 1965. – Access mode: <http://ru.scribd.com/doc/97199603/95074003-J-C-Catford-A-Linguistic-Theory-of-Translation-Oxford-Univ-Press-1965> <https://doi.org/10.2307/323020>
9. Nida, E. Toward a Science of Translating [Text], E. Nida. – Leiden, 1964a. – 331 p. <https://doi.org/10.2307/411603>

Information about author:

1. Natalia Ababilova – Doctor Candidate of Education, Nikolaev National University named after V.A. Sukhomlinsky; address: Ukraine, Nikolaev city; e-mail: ababilov-av@mail.ru

F. DE SAUSSURE AND SOME PROBLEMS OF PSYCHO-LINGUISTICS

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Using the example of correlation between the notions of "language", "speech" and "speech activity" the author reveals the contradictions in statements associated with F. de Saussure, and appropriateness of approaching the same problem from different theoretical perspectives.

Keywords: Saussure, systems and structural approach, language, speech, speech activity.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Ф. ДЕ СОССЮР И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственный университет, Россия

На примере проблемы соотношения языка, речи и речевой деятельности демонстрируются неоднозначность увязываемых с именем Ф. де Соссюра положений и правомерность подхода к одной и той же проблеме с разных теоретических позиций.

Ключевые слова: Соссюр, системно-структурный подход, язык, речь, речевая деятельность.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i12.1590>

Вводные замечания

В истории науки о языке трудно назвать учёного, соотносимого с Фердинандом де Соссюром сразу в двух отношениях: 1) по тому, в какой мере его труды повлияли на направление научных исследований языка в XX веке, и 2) по тому, насколько трудно определима подлинная трактовка самим Соссюром дискутируемых понятий и положений. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить предисловия, написанные к двум изданиям работ Соссюра на русском языке (см.: [Холодович 1977; Слюсарева 1990]). Если добавить к этому трудности перевода с французского, можно построить многоярусную картину искажений того, что на самом деле имел в виду Ф. де Соссюр: на первом этапе имелись искажения при восстановлении текстов лекций по конспектам, а при подготовке текста к печати ученики Соссюра невольно переформулировали восстанавливаемый текст в соответствии со своей собственной интерпретацией его высказываний; то же самое могло произойти при более позднем добавлении найденных текстов, воспринимаемых с позиций появившихся к тому времени новых трактовок языка (см.: [Соссюр 1990]). Далее, при работе с переведёнными текстами (уже не самого Соссюра, а его интерпретаторов) произошло тиражирование отдельных формулировок, нередко выхваченных из контекста, т.е. фактически приписываемых Соссюру. Справедливость такого заключения базируется на указании

самого Соссюра на то, что «объекты лингвистики не являются данными, а формируются в зависимости от точки зрения» (цит. по: [Слюсарева 1990: 11]), а также подтверждается изменениями в формулировках положений концепции Соссюра в разных изданиях его трудов (ср., например, замену терминов: «речевая деятельность» / «языковая деятельность»). Сказанное выше заставляет задуматься над тем, что, собственно, обсуждается, когда мы говорим о концепции Ф. де Соссюра? На какие формулировки можно ориентироваться?

Главное же заключается в том, что в определённый период времени увязываемые с именем Соссюра положения были приняты за истину в последней инстанции, а в подобных случаях, как известно, парадигма перерастает в догму и становится тормозом, замедляющим развитие научных представлений об исследуемом объекте. Вполне естественно возникновение иных научных подходов, стремящихся преодолеть ограниченность некоторых положений господствующей парадигмы. Из числа возникших в XX веке новых подходов к исследованию языковых явлений назовём хотя бы когнитивную науку и психолингвистику.

Подробное обсуждение ряда положений, так или иначе связанных с учением Соссюра, потребовало бы написания отдельной монографии, поэтому остановимся лишь на проблеме разграничения понятий языка, речи, речевой / языковой деятельности, представляющей особый интерес

Речевая деятельность

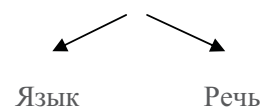

Рис. 1

с позиций психолингвистики, которая в России возникла и развивается как теория речевой деятельности.

Соотношение понятий «язык», «речь», «речевая деятельность» (Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев)

На основе информации, которая содержится в предисловии к каноническому изданию текстов Ф. де Соссюра [Соссюр 1977], принято считать, что Соссюр разграничивал и противопоставлял язык и речь внутри речевой деятельности [Холодович: 13]. Это положение можно представить с помощью схемы, см. рис. 1.

Однако при обсуждении концепции Соссюра А.А. Леонтьевым на основании анализа более широкого круга текстов отмечено, что «у Соссюра нет в собственном смысле дизъюнкции «язык – речь»» [Леонтьев 1969: 12]. Со ссылкой на систему понятий, представленную в текстах второго и третьего лекционных курсов Соссюра, Леонтьев полагает, что имело место противопоставление языка как абстрактной надиндивидуальной системы и языковой способности как функции индивида с объединением этих двух категорий термином речевая деятельность, в то время как последняя в свою очередь

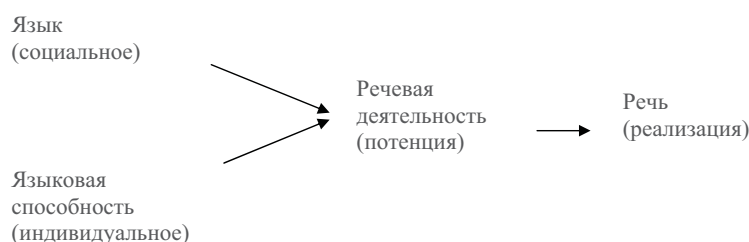

Рис. 2

противопоставляется речи как индивидуальному акту, реализующему языковую способность через посредство языка как социальной системы [там же]. По мнению Леонтьева, в таком случае «язык и языковая способность противопоставлены как социальное и индивидуальное, речевая деятельность (язык + языковая способность) противопоставлена речи как потенция и реализация. Налицо две системы координат» [цит. раб.: 12–13]. Попытаемся отобразить это с помощью схемы (см. рис. 2).

Отсутствие категории языковой способности в каноническом курсе Соссюра Леонтьев объясняет, во-первых, наличием только одной системы координат, в которой потенциальное приравнено к социальному, а реальное к индивидуальному; во-вторых, согласованностью с многократно имеющимся на страницах названного курса указанием на пассивный характер речевых процессов и с трактовкой индивидуальной речевой системы как своего рода «слепок» объективно существующей системы языка.

Именно против представлений о пассивном характере речевых процессов и простом слепке с системы языка у пользующегося языком индивида направлена разработка психолингвистической трактовки языка как достояния человека, активно адаптирующегося к естественному и социальному окружению через переработку своего опыта познания и общения. Важной опорой при становлении такого подхода явилась концепция Л.В. Щербы, который ещё в начале 1930-х гг. выступил против прямого отождествления системы языка с психофизиологической речевой организацией человека, поскольку последняя никак не может быть простой суммой накопленного опыта, она является продуктом

своеобразной переработки опыта, выступая в то же время социальным продуктом.

В работе Л.В. Щербы «О троичном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974] в качестве аспектов языка рассматриваются: I – речевая деятельность (процессы говорения и понимания); II – языковые системы (словари и грамматики языка, выводимые лингвистами на основании анализа языкового материала); III – языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой обстановке). При этом уточняется, что такое разграничение является искусственным, поскольку «языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности» [цит. раб.: 26]. Более того, Л.В. Щерба подчёркивает, что «вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [там же]. Называя этот механизм речевой организацией индивида, Л.В. Щерба фактически выделил четвёртый аспект языковых явлений, формирующийся через речевую деятельность, обуславливающий её и проявляющийся в ней, поэтому соотношение рассматриваемых Щербой понятий можно представить с помощью схемы на рис. 3.

Рис. 3

Обратим внимание на то, что, по Щербе, речевая организация индивида является психофизиологической по своей природе и в то же время представляет собой социальный продукт, к тому же это не просто сумма речевого опыта, а результат его переработки речевым механизмом. Отсюда понятно очень важное указание Щербы на то, что нельзя допускать «отождествление таких теоретически несоизмеримых понятий, как “индивидуальная речевая система” (= психофизиологическая речевая организация индивида) и “языковая система”, которым более или менее грешили все лингвисты до самого последнего времени» [Щерба 1974: 35]. Добавим к этому, что высказывание Щербы датируется 1932 годом, но, к сожалению, это замечание оказывается справедливым и для наших дней. В работе [Залевская 1977] при обсуждении концепции Щербы уточняется, что причиной такого отождествления служит языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой обстановке). Дело в том, что имеются значительные различия между переработкой языкового материала в двух направлениях: 1) через логико-рациональную метаязыковую деятельность лингвиста, анализирующего и классифицирующего языковые явления в свете некоторых научных представлений и абстракций (выводимые в результате словари и грамматики языков отображают конструкты и правила пользования ими); 2) через естественно протекающие процессы анализа, синтеза, сравнения и классификации всего воспринимаемого в ходе познания мира и общения (получаемые через взаимодействие перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки продукты таких процессов представляют собой концепты, а также стратегии и функции

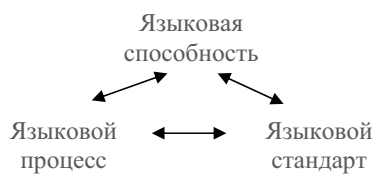

Рис. 4

ональные опоры для дальнейшего использования в разных видах деятельности). Подчеркнём, что названные процессы отвечают психофизиологическим закономерностям, но в то же время направляются выработанными в социуме / культуре нормами и оценками. Таким образом, речевая организация индивида обращена одной стороной к индивиду, а другой – к социуму.

А.А. Леонтьев не только придал большое значение введённому Щербой понятию, но и приравнял речевую организацию индивида к языковой способности, которая трактуется им как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива» [Леонтьев 1965: 54]. Языковая способность рассматривается в этой публикации в соотнесении с языковым процессом и языковым стандартом, что можно передать схемой, см. рис. 4.

Думается, что между терминами «речевая организация индивида» (по Л.В. Щербе) и «языковая способность» как в широко принятом понимании, так и в трактовке Соссюра, имеются некоторые различия, и прежде всего – в расстановке акцентов: Л.В. Щерба фокусируется на упорядоченности продуктов «своеобразной переработки» речевого опыта, организация которого не только происходит из речи, но и ориентирована на готовность к использованию в последующих актах говорения и понимания речи, в то время как соотносимый термин указывает на принципиальную возможность использования имеющихся потенциалов. А.А. Леонтьев неоднократно возвращается к термину «языковая способность» (или «язык как способность (речевой механизм)», см., например: [Леонтьев 1969]), он указывает на изменения в трактовке языковой способ-

ности (см.: [Леонтьев 1997: 19]), тем не менее допущенное в [Леонтьев 1965: 54] прямое отождествление названных выше терминов вызывает вопросы и требует дополнительного обсуждения с привлечением и других трактовок этого понятия, а также результатов новейших исследований в разных науках о человеке.

Заключение

Итак, приведён пример расхождения в том, как в публикуемых текстах Соссюра представлено соотношение понятий, базовых для теории языка. Вполне естественно, что в подобных случаях формируются различающиеся модели рассматриваемого объекта, тем самым в каждом случае закладывается определённая система координат, направляющая пути обсуждения и решения более частных вопросов науки о языке. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером: один из параметров противопоставлений, фигурирующий в текстах Соссюра, а именно «индивидуальное – социальное», в психолингвистической трактовке двойственной онтологии языка реализуется через признание обращённости значения слова и к носителю языка, и к социуму; при этом признаётся, что в речевой организации индивида общепринятое значение слова выступает средством доступа к мультимодальным продуктам перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения, что требует междисциплинарного (интегративного) подхода с учётом новейших исследований в науках о человеке.

References:

1. Zalevskaya A.A. Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka [Problems of organization of the person's internal lexicon]. – Kalinin, Kalinin. gos. un-t, 1977. – 83 p.
2. Leont'yev A.A. Slovo v rechevoy deyatel'nosti. Nekotoryye problemy obshchey teorii rechevoy deyatel'nosti [A word in speech activity. Some problems of the general theory of speech activity]. – Moskva., Nauka [Science], 1965. – 246 p.
3. Leont'yev A.A. Yazyk, rech',

rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. – Moskva., Prosveshcheniye [Education], 1969. – 214 p.

4. Leont'yev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. – Moskva., Smysl [Sense], 1997. – 287 p.

5. Slyusareva N.A. O zametkakh F. de Sossyura po obshchemu yazykoznaniyu. Vstupitel'naya stat'ya., Sossyur F. de. Zametki po obshchey lingvistike [About the notes of F. de Saussure on general linguistics. Introductory paper., F. de Saussure, Notes on general linguistics]. – Moskva., Progress, 1990., pp. 7-28.

6. Sossyur F. de. Kurs obshchey lingvistiki., Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu: Per. s frants. [The course in general linguistics., F. de Saussure. Works on Linguistics: Translated from French]. – Moskva., Progress, 1977., pp. 31–285. <https://doi.org/10.2307/320587>

7. Sossyur F. de. Zametki po obshchey lingvistike: Per. s frants. [Notes on general linguistics: Translated from French]. – Moskva., Progress, 1990. – 280 p. <https://doi.org/10.1075/hl.18.2-3.21boy>

8. Kholodovich A.A. O «Kurse obshchey lingvistiki» F. de Sossyura., Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu: Per. s frants [About the «Course of General Linguistics» F. de Saussure., Works on Linguistics: Translated from French]. – Moskva., Progress, 1977., pp. 9-29.

9. Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii., Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [About the three-dimensional aspect of the linguistic phenomena and the experiment in linguistics., Shcherba L.V. Language system and speech activity]. – Leningrad., Nauka [Science], 1974., pp. 24-39. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12180>

Литература:

1. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: – Калинин., Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
2. Леонтьев А.А. Слово в речевой

деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – Москва., Наука, 1965. – 246 с.

3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – Москва., Просвещение, 1969. – 214 с.

4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – Москва., Смысл, 1997. – 287 с.

5. Слюсарева Н.А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию. Вступительная статья., Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – Москва., Прогресс, 1990., С. 7-28.

6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики., Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: Пер. с франц. – Москва., Прогресс, 1977., С. 31-285. <https://doi.org/10.2307/320587>

7. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с франц. – Москва., Прогресс, 1990. – 280 с. <https://doi.org/10.1075/hl.18.2-3.21boy>

8. Холодович А.А. О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра., Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: Пер. с франц. – Москва., Прогресс, 1977., С. 9-29.

9. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании., Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград., Наука, 1974., С. 24-39. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12180>

Information about author:

1. Alexandra Zalevskaya – Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

*Union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries.
The union combines the social and commercial elements of functioning.*

- ▶ Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- ▶ Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- ▶ Assistance in settlement of relations between businessmen with each other and with social partners in business environment
- ▶ Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- ▶ Promotion of favorable conditions for business in various countries
- ▶ Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- ▶ Promotion of international trade turnover widening
- ▶ Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- ▶ Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- ▶ Legal and consulting promotion of business
- ▶ Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- ▶ Exhibition activities
- ▶ Holding of business and economic forums

www.iuci.eu

DEED OF GIFT (INSCRIPTION) IN THE SPEECH BEHAVIOUR OF HOMO SCRIBENS

E. Kosykh, Candidate of Philology, Associate Professor
Altai State Pedagogical University, Russia

A native speaker studied by modern linguistics is a speaker being a language identity, i.e. a person able to create texts. The study of speech activity and speech-related capacities of homo scribes (capable of manifesting spontaneous and prepared writing in a certain speech situation) are in the focus of this paper.

Keywords: autograph, deed of gift, language identity, verbal behavior.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ (ИНСКРИПТ) В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ HOMO SCRIBENS

Косых Е., канд. филол. наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия

В сфере изучения современной лингвистики – носитель языка как языковая личность, т.е. человек, способный к текстопорождению. Исследование речевой деятельности, речевой способности человека пишущего, способного к спонтанной и подготовленной письменной речи в определённой речевой ситуации, – в центре представляемого доклада.

Ключевые слова: автограф, инскрипт, языковая личность, речевое поведение.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1591>

«Человек в языке» и «язык в человеке» в современной научной антропоцентрической парадигме изучаются в том числе и в рамках речевой деятельности языковой личности. Взаимообусловленность языка и его носителя предопределяет их развитие, а возможность самостоятельного «свободного» движения и поликультурное поле современного социума – направление этого развития, которое может стать эволюцией, революцией, стагнацией или деградацией.

В центре современных лингвистических научных исследований – текст, речевое высказывание, их порождение, вписанность в речевое поведение и речевую деятельность носителя языка, их культурной парадигмы, традиций. Таким речевым произведением, характеризующим языковую личность носителя русского языка, признаём дарственную надпись – инскрипт. Дарственная надпись – это результат речевого поведения автора или дарителя (адресанта), его речевое произведение, появившееся в конкретной речевой/коммуникативной ситуации. *Инскрипт* рассматривается нами как *текст*, синонимом выступает термин *речевое произведение*. Инскрипт будем понимать как дарственную надпись, автограф, поздравление и пожелание, оставленные автором или дарителем на даримом предмете (в нашем случае – книге) [Косых, 213]. Дарственная надпись, как известно, может появиться на любом субстрате (используем термин ЕППР, введённый Н.Б. Лебедевой [Лебедева, 2001]) в различных речевых ситуациях.

Дарственная надпись активно использовалась и используется в культурной и речевой практике носителей языка, в том числе и русского.

Как подчеркивает Т.А. Романова, «в дарственной надписи в краткой форме заключена уникальная историческая, историко-культурная и психологическая информация. Зачастую это сведения о личной и творческой биографии автора, его отношении к различным аспектам культурной и общественной жизни». [Романова, 2012].

Общеизвестно, что дарственная надпись представляет собой автограф (подпись, например, книги автором) и неавторскую подпись. Появление данных надписей различается и речевой и/или коммуникативной ситуацией. Ситуации появления автографов нередко обусловлены презентацией произведения автором, стратегией которого является либо реализация книги (и тогда автограф – цель стратегии – «заманивание»), либо дарение (и тогда дарственная надпись – цель стратегии – пожелание, надпись на память). В ситуации дарения оказывается не только автор, но любой носитель языка, способный как языковая личность создавать текст-пожелание, текст-поздравление. Иногда речевая ситуация дарения не закреплена в инскрипте вербально. Например, коллега презентует книгу коллеге. На форзаце (из наших 20 текстов-надписей – это единственный пример) появляется текст: «От (подпись дарителя) Ел. Фед. Дм.».

В соответствии с моделью речевой

ситуации (речевого события) Р.О. Якобсона данный факт может быть рассмотрен таким образом: сообщение представлено имплицитно, декодирование проводится адресатом, но не-адресат не сможет полностью декодировать содержание, так как предречевая ситуация не презентирована. Имеющееся сообщение содержит подпись адресанта (графический компонент текста), который может быть не известен широкому кругу носителей языка. При этом мотивация выбора указанных языковых средств не полностью позволяет декодировать текст, так как вербально эта мотивация не выражена. Эллиптичность текста, состоящего из одного предложения, обусловлена пропуском главных членов предложения. Второстепенные члены, выраженные нехарактерным для традиционного предложения употреблением имён собственных (антропонимов) – соответствующих именованию адресата – в сокращённом виде, в форме фиксируются в форме родительного падежа, реализующегося через предлог «от» и знак подписи и соответствующего существительному-ониму, обозначающему адресанта, а также дательного – формально не выраженного, апеллирующего к ониму адресата. Последний употреблён в виде сокращённой формы онимов. Представленный нами инскрипт – один из элементов речевого поведения элитарной языковой личности, способной к созданию малой формы со значительным содержанием, речевого высказывания с элементами языковой игры.

Обязательным элементом речевого поведения автора книги в процессе создания дарственной надписи – подготовка автографа. Например, автор продумывает содержание сообщения, способ кодировки и т.п., хотя элемент спонтанности сохраняется в плане употребления антропонима адресата (кому книга будет подарена, подписана, например, выясняется только в акте коммуникации) и т.д.

Креативная элитарная языковая личность создаёт текст-автограф адресно, конкретному адресату. При этом жанр автографа, например, – поздравление в стихах.

Пример. Речевая ситуация защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата наук реализуется в научном дискурсе и имеет определённые компоненты ритуала речевого поведения соискателя и научного руководителя: благодарственная речь кандидата и поздравительная речь научного руководителя. Коммуникативная ситуация, инициируемая адресатом, включает просьбу к научному руководителю подписать его книгу на память. Реакцией на реплику адресата становится автограф одного из авторов книги «Вопросы термодинамики и строения водных и неводных растворов электролитов» (Л, «Химия», 1968 г.) К.П. Мищенко:

«Милой Маше
Книжку нашу
Мы подносим в день защиты.
Пусть все тайны ей открыты
Будут через десять лет,
И найдёт она ответ
На проклятые вопросы,
В которых мы остались с носом!
К. Мищенко, Г. Полторацкий

16.XI.71
Ленинград»

По словам адресата, Марии С., представленный автограф – спонтанное речевое произведение, созданное без специальной подготовки. Такое речевое поведение адресанта, К.П. Мищенко (доктора химических наук, профессора ЛГУ), являлось обычным, характерным для речевого поведения описываемой языковой личности. Подтверждением тому служит собранный коллегами и аспиран-

тами «двухтомник» автографов-пожеланий, написанных К.П. Мищенко.

Речевая ситуация (по Р.О. Якобсону) представлена коммуникативным актом с участием адресанта – К.П. Мищенко, адресата – Марии С. Кодировка и декодировка сообщения осуществляется одновременно, не отнесено во времени. Речевое произведение содержит обязательные для автографа «обращение» в форме дательного падежа и подпись адресанта в форме патронимов в именительном падеже с сокращением имени. Разговорный стиль инскрипта («милый Маше», «книжку», «проклятые», «остались с носом») в предполагаемой речевой ситуации научного дискурса подчёркивает, с одной стороны, высокую речевую способность автора дарственной надписи, а с другой – определённое, доверительное, дружеское отношение адресанта к адресату. В представляемой речевой ситуации актуальным становится дата выхода книги – 1968 год (соответствует году поступления Марии С. в аспирантуру), название даримой книги, соотносимое с темой и названием другого текста – диссертации. Языковая игра как одно из средств выразительности и текстообразования строится на употреблении контекстных антонимов «ответ – вопросы», последний можно охарактеризовать с позиции автопрецедентности (обращение к названию даримой книги), трансформированного фразеологизма, переведённого в поле субъектности (вместо «оставить с носом» – «остались с носом»). Общий шутивно-радостный тон автографа создаётся за счёт чередования прямого и непрямого порядка слов в предложении.

Следует подчеркнуть, что апелляция к семантике даримого произведения (автопрецедентность, «самцитирование») встречается в инскриптах, которыми мы располагаем, довольно редко (из 20 – 2 случая). К уже приведённому примеру можно добавить следующий: «... За дружбу и сотрудничество, за *Обь!*...» (цитата из инскрипта на книге «Белый бакен» В.Коржова). Однако прецедентность в автографах встречается, что подчёркивает ритуальность описываемой коммуникативной ситуации и речевую

компетенцию адресантов. Например, (довольно часто встречающаяся формула обращения к адресатам с именем Елена): «Елене Прекрасной...».

Динамика отношений в рамках речевой ситуации, результатом которой становится речевое произведение, обуславливает в определённой степени объём инскрипта: от 2-3 лексических единиц («Соседу-единомышленнику» (подпись адресанта) до 15-17 слов с учётом служебных частей речи. Только один автограф в нашей картотеке состоит из 35 слов. Существенно подчеркнуть, что объём дарственной надписи не связан с объёмом даримой книги.

Речевая деятельность человека пишущего даёт возможность тщательного и глубокого исследования его речевых произведений, которые представляют собой материал для портретирования языковой личности, включённой в процесс преобразований современной речи.

References:

1. Yestestvennaya russkaya rech': sbor, obrabotka, pasportizatsiya materiala [Natural Russian speech: collection, processing, certification of materials]., N.B. Lebedeva [i dr.], Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University]. Ser.: Gumanitarnyye nauki [Series: Humanities]. – Barnaul. – ISBN 5-93957-090-9, 2001. – Issue 1. Access mode: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>.
2. Yefremova T.F. Sovremennyye tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3-kh t. [The modern explanatory dictionary of Russian language: in 3 volumes] – Moskva, 2006. – Vol. 1.
3. Kel'ner V.Ye. Avtografy i knizhnyye sobraniya. (Novyy proyekt RNB)., Bibliotekovedeniye [Autographs and book collections. (New project of the National Library of Russia)., Library Science]. – 2001., No. 3., pp. 64–65.
4. Kosykh Ye.A. Darstvennaya nadpis'-avtograf v sisteme rechevoy deyatel'nosti avtora., Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii: materialy

второй международной научно-практической конференции [A deed of gift - autograph in the author's verbal activity system., Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration. Materials of the second international scientific and practical conference]. - Barnaul, September 19–20, 2013., ed. by V.I. Gabdullina. – Barnaul., AltGPA. – 568 p., pp. 398–392.

5. Mayorova L.P. Darstvennyye nadpisi na knigakh iz biblioteki K.E. Tsiolkovskogo kak istochnik dlya izucheniya nauchnykh kontaktov uchenogo (po materialam arkhiva RAN) [Inscriptions on books from the K.E. Tsiolkovsky library as a source for studying the scientific contacts of the scientist (based on the materials of the RAS archive)].

6. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii [The theory of communication]. – Moskva., «Refbuk»; - Kiev., «Vakler», 2001.

7. Romanova T.A. Avtografy i darstvennyye nadpisi na knigakh v kolleksii M.A. Usova (k biografii uchenogo). [Autographs and inscriptions on books from the collection of M.A. Usov (to the biography of the scientist)], Access mode: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/2009/v1.pdf>.

8. Kharchenko V.K. O neizuchennom v sovremennoy lingvistike., V.K. Kharchenko; BelGU., Russkaya filologiya: ukrainiy vestnik., Khar'k. nats. ped. un-t im. G.S. Skovorody [On the unexamined in modern linguistics., V.K. Kharchenko; BelSU.,

Russian philology: Ukrainian bulletin., H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University]. – 2006., No. 1-2., pp. 3-7.

9. Kharchenko, V.K. Nekotoryye prichiny «belykh pyaten» na karte lingvisticheskogo poiska., Vestnik RUDN, seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya [Some reasons for the «white spots» on the map of linguistic search., Bulletin of the People's Friendship University of Russia; Series: Russian and foreign languages, and methods of teaching them]. – 2010, No. 2., pp. 85-94.

Литература:

1. Естественная русская речь: сбор, обработка, паспортизация материала [Электронный ресурс] / Н.Б. Лебедева [и др.] // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета [Электронный ресурс]. Сер.: Гуманитарные науки. – Барнаул. – ISBN 5-93957-090-9, 2001. – Вып. 1. <URL:<http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>>.

2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. – М., 2006. – Т.1.

3. Кельнер В.Е. Автографы и книжные собрания. (Новый проект РНБ)// Библиотекосведение. – 2001. – №3. – С. 64-65.

4. Косых Е.А. Дарственная надпись-автограф в системе речевой деятельности автора// Русская словес-

ность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы второй международной научно-практической конференции, Барнаул, 19–20 сентября 2013 г. / отв. ред. В.И. Габдуллина. – Барнаул: АлтГПА. – 568 с. – С. 398-392.

5. Майорова Л.П. Дарственные надписи на книгах из библиотеки К.Э. Циолковского как источник для изучения научных контактов ученого (по материалам архива РАН).

6. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001.

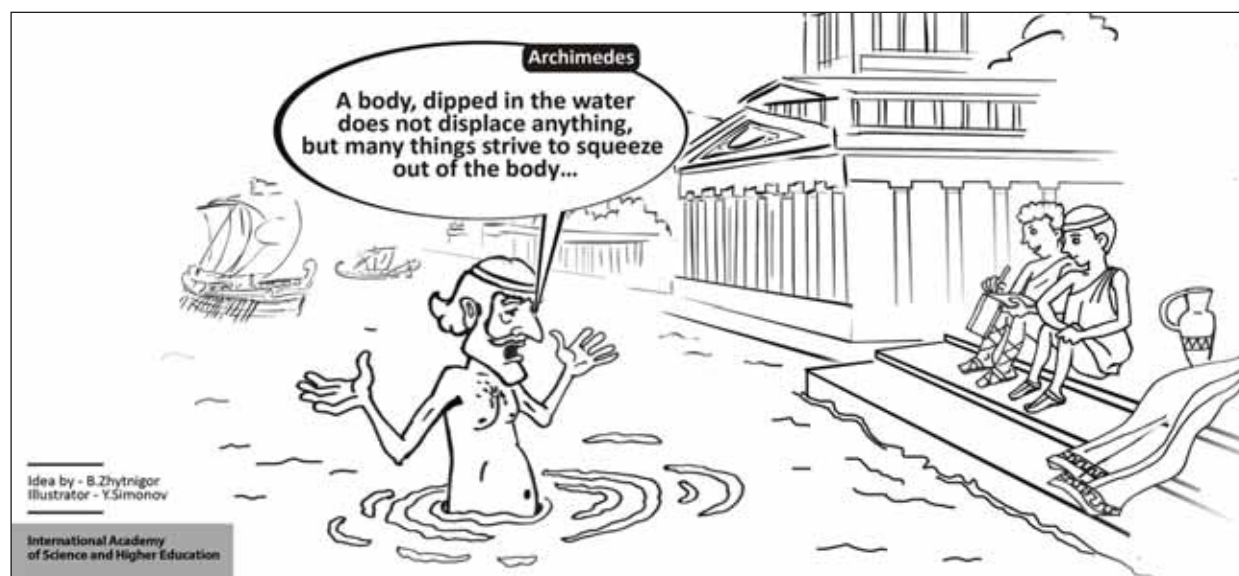
7. Романова Т.А. Автографы и дарственные надписи на книгах в коллекции М.А. Усова (к биографии ученого). – <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/2009/v1.pdf>.

8. Харченко В.К. О неизученном в современной лингвистике / В.К. Харченко; БелГУ // Русская филология: украинский вестник / Харьк. нац. пед. ун-т им. Г. С. Сковороды. – 2006. – №1–2. – С. 3-7.

9. Харченко, В.К. Некоторые причины «белых пятен» на карте лингвистического поиска// Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010, N 2. – С. 85-94.

Information about author:

1. Elena Kosykh – Candidate of Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical University; address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH ECONOMIC TERMS INTO UKRAINIAN

I.F. Loshchenova, Doctor of Philosophy, Candidate of Education, Associate Professor

K.A. Shapochka, Candidate of Education, Associate Professor

I.V. Usachenko, Lecturer

F.O. Loshchenov, Master's Degree Student

The Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine

The article covers the basic ways of translation of the English economic terms into Ukrainian.

Keywords: economic term, way of translation, lexical equivalent, transcoding, transliteration, loan translation, descriptive method, concretization, generalization, compression.

Conference participants

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1592>

Economic terminological system conveys scientific information. It is characterized by dynamic development, thus it is in close contact with life and development of the society responsive to language situation changes. Modern scientific translation studies are aimed at studying the factors affecting the selection of the translation variant and their connection with the target language specifications.

The problem of translation of terms from English into Ukrainian has been one of the most pressing in modern translation studies. Investigation of the terms translation process was conducted by scientists V. Karaban, F. Tsytkina, N. Aleksandrova, L. Borysova, V. Danylenko etc. This process is of particular interest for the economy, because over the last decade it has undergone intensive development. The economic terminological system of the English language is extensive and complex, and this fact influences the occurrence of complications in the translation process.

Such professional terms as linguistic signs, which represent the concept of special professional field of science or technology, are an essential component of scientific and technical texts. They are associated with serious difficulties in translation because of their ambiguity, lack of correspondence of the new terms in a target language, and some differences in the terminology formation process in the English and Ukrainian languages.

Linguists emphasize that adequate translation of terms requires, first and foremost, excellent interpreter's knowledge of the science or a technology field, which translation is actually applied to; and, secondly, understanding

of the meaning of terms in English and knowledge of professional terminology in the native language. "When translating the scientific and technical literature, one of the important issues is the interaction of a term with the context in which it reveals its lexical meaning" [2, P. 255], because only context allows to understand which particular field of knowledge a term belongs to and, accordingly, choose the right equivalent in the target language. Therefore, the scholar distinguishes two stages in the translation process of terms: the first one is identification of the term meaning in context, and the second one is translation of the meaning into the native language.

"The main method of translation is translating by means of lexical equivalent. Equivalent is a constant lexical correspondence, which coincides with the meaning of a foreign word-term. Terms which have equivalents in the native language play an important role in translating. They serve as reference points in the text, they determine the discovery of meaning of other words, provide an opportunity to clarify the text character and the field which it belongs to" [2, P. 255]. However, the search for equivalents in the native language in order to translate terms from a foreign language is complicated by the fact that terms are ambiguous and, depending on the field in which they are used, have different meanings and definitions. Therefore, a term is not always translated by means of a term i.e. by means of complete and absolute equivalent. However some terms are indeed unambiguous, have no other meanings in any other fields and are always translated by means of an absolute equivalent. For example such terms as *economics*, *chemistry*,

lexicology, *atom*, *money*, *market*, *biology* have exact correspondences in the Ukrainian language: *економіка*, *хімія*, *лексикологія*, *атом*, *гроші*, *ринок*, *біологія*; they are easily found in common dictionaries without calling even to professional ones. However, the proportion of such terms in general term stock is minor, so the translation of most of specific field terms is not just a replacement of a word-term by an appropriate term sign in the target language. "Translation of terms would be easy and simple only in case if scientific literature had a monopoly to use them, or if each term in fact had a term equivalent in any pair of languages. But it does not work that way. So the best way of translation is "notion -> Ukrainian term", but not "foreign term -> Ukrainian term", regardless of a target language" [3, P. 35]. That means that the search for a term correspondence in the target language must begin, first of all, with the analysis of properties of a new foreign notion. And if the name of a foreign notion-term is based on its most important property or successful comparison, then in other languages (the term sign is being translated to) these properties will be considered as basic ones. In such cases, translation of a term actually turns into translation of an ordinary language unit, which is the easiest way to match a name with a certain foreign scientific notion.

The results of the research have demonstrated that the translation of special field terminology, including the economic terms, is carried out in various ways, such as the following interlingual transformations: lexical, lexical-semantic and lexical-grammatical. The main task of a translator is to choose the right method during the translation

process to convey the meaning of each term as precisely as possible.

One of the easiest lexical means of translation of economic terms is transcoding. Transcoding is a literal or phoneme by phoneme conveying of a source lexical unit using the target language alphabet. This method is often used to translate English economic term signs, because the spelling system of the English language is very different from the Ukrainian one and involves, first of all, rendering of a sound form of a term, and then its lexical meaning.

However, using such method of translation as transliteration, one should not forget about the “translator’s false friends”, which have different meanings despite the structural similarity in the English and Ukrainian languages. These are pseudo-internationalisms, i.e. the words from the source and target languages that do not have similar lexical meanings. Transliteration of these words “will lead to an unjustified semantic loan translation, violation of lexical compatibility, stylistic inadequacy of the Ukrainian equivalent, and eventually, to serious misinterpretation of the lexical meaning of the word which is being translated” [1, P. 410]. Although these words are quite common in economic texts, they do not have the status of economic terms.

This method is often used in translation of names of various companies, corporations, and financial institutions. The terms can also be rendered by another lexical means of translation namely loan translation, i.e. rendering of combinatorial, not sound, composition of words when parts of words (morphemes) or phrasemes (lexemes) are translated by equivalent elements of the target language.

The most common lexical method of translation of economic terms is descriptive translation to render the meaning of a term-sign. This method is used in the translation of economic notions and realia that have been known for a long time in post-industrial societies, but only now begin to appear in the Ukrainian society. Rendering of meanings of such terms is possible only through additional revelation and explanation of content of the new terminological units. These terms are

presented by modern forms of trade and financial services.

In cases when specialized dictionary doesn’t contain the exact equivalent of a certain economic term, or when the use of loan translation, transliteration or descriptive translation is impossible, lexical-semantic and lexical-grammatical methods of translation are applied. In particular, the methods, mentioned above, used in the translation of specialized terms, include concretization and generalization.

Concretization is the process by which a unit of a wider concrete content is rendered using the unit of a specific content in the target language. Because of the fact that “the English words are characterized by more extensive semantic structure than the equivalent Ukrainian words, their translation in many cases can be wrong, and the situation with the translation of such words from Ukrainian into English is more reliable, because the English word can be used in the wrong sense that will lead to great misrepresentation of the content” [1, P. 409].

Sometimes in the Ukrainian language it is necessary to substitute a word or a word combination, which has a wide range of meanings in the English language, with an equivalent, which specifies the meaning according to the context or stylistic standards. First of all, this kind of substitution presupposes the search for a synonymic equivalent in the target language, which will render the field classification of a lexical unit more specifically and according to the stylistic standards.

The synonymic replacement of an English economic term with a wider concrete content in order to specify its meaning in the target language is also used in the translation practice, and is justified at micro context level only when the meaning of the sentence is quite clear.

Generalization is also possible during the translation of economic terms. Generalization of the original meaning occurs in cases when an extent of information order of an original unit is wider than the one of an equivalent unit in the target language.

Another lexical-grammatical translation method of the modern

economic terminology is compression. It is more compact presentation of thoughts through the omission of unnecessary elements and extra-linguistic context [1]. This method is usually used by translators dealing with professional terminology at macro context level; it is rarely used at the level of micro context because this may lead to unjustified omission of the lexical meaning of a term.

Undoubtedly, the translation of terms is a very important task for a translator, which requires a high degree of competence in both languages, complex perception of the world picture, as well as an excellent knowledge of the field of science or technology, which actually relates to the translation. Indeed, despite the expansion of international cultural and economic relations in the world, the use of modern means of communication, such as, the Internet, and the consequent enrichment of different languages and cultures, the translator can’t ignore the fact that every language is a unique and dynamic structure. It is characterized by its realia, developed cultural and historical realia, and emergence of new realia and concepts that do not have equivalents at the time of their translation into other languages. That is why a translator obtains the role of an interlingual mediator, which helps recipients get the information necessary for them, and at the same time, perpetuates new terminological lexical units in the vocabulary of their native language.

During the translation of English economic terms, experienced translators usually choose one or another way of translation, basing on the content of the context in which a field term is used, and sometimes they combine all techniques mentioned above to render their lexical meaning in the target language as precisely as possible, saving thus, the form and morphemic structure of an original terminological unit. And despite the fact that modern English is the producer of new international economic terms, the adequate translation of field terminology is particularly important for the successful establishment and normalization of Ukrainian financial-economic terminology in accordance with international standards.

References:

1. Karaban V.I. Pereklad anglіys'koї naukovoї i tekhnichnoї literaturi. Gramatichnī trudnoshchī, leksichnī, terminologichnī ta zhanrovo-stilistichnī problemi [Translation of English scientific and technical literature. Grammatical difficulties, lexical, terminological and genre-stylistic problems]. – Vinnitsya., Nova kniga [A new book], 2002. – 458 p.

2. Kovalenko A.YA. Obshchiy kurs nauchno-tekhnicheskogo perevoda: Posobiye po perevodu s angl.yazyka na rus. [General course of scientific and technical translation: a manual on translation from English into Russian]. – Kiyev., INKOS, 2003. – 320 p.

3. Nakonechna G. Ukraїns'ka nauko-tekhnichna terminologiya. Istoriya i s'ogodennya., Visnik L'viv.

derzh. un-tu im. I. Franka [Ukrainian scientific and technical terminology. History and present days, Journal of the Ivan Franko National University of Lviv]. – 1999., No. 8., pp. 29-37.

Література:

1. Карабан В.І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми. – Вінниця., Нова книга, 2002. – 458 с.

2. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с англ.языка на рус. – Киев., ИНКОС, 2003. – 320 с.

3. Наконечна Г. Українська науково-технічна термінологія. Історія і сьогодення., Вісник Львів. держ. ун-ту ім. І. Франка. – 1999., №8., С.29-37.

Information about authors:

1. Iryna Loshchenova – Doctor of Philosophy, Candidate of Education, Associate Professor, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: loshchenova@yandex.ru

2. Kateryna Shapochka – Candidate of Education, Associate Professor, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: e_shapochka@mail.ru

3. Irina Usachenko – Lecturer, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: usachenkoiv@yandex.ru

4. Felliks Loshchenov – Master's Degree Student, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: razor1239@rambler.ru

WORLD RESEARCH ANALYTICS FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit: <http://gisap.eu>

GISAP CHAMPIONSHIP AND CONFERENCES 2017

1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF UPBRINGING AND TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN CONDITIONS OF OBJECTIVE COMPLICATION OF THE PERSON'S SOCIAL ADAPTATION PROCESSES	ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER	MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION
Educational sciences and Psychology	Philology	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy
18-24.01	09-15.02	09-15.02
1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF FREEDOM, JUSTICE AND NECESSARY COERCION IN THE COURSE OF THE PUBLIC RELATIONS REGULATION	TRADITIONAL AND EXPERIMENTAL METHODS OF STUDYING AND OVERCOMING THE MEDICAL AND BIOLOGICAL PROBLEMS IN ENSURING THE OPTIMAL VITAL FUNCTIONS OF HUMAN BEINGS AND THE WILDLIFE	THEORETICAL AND EXPERIMENTAL ASPECTS OF REVEALING AND SOLVING THE CURRENT ISSUES OF FUNDAMENTAL SCIENCES
Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences
21-28.02	02-10.03	02-11.04
1 stage	2 stage	2 stage
MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MECHANISMS ABLE TO SATISFY THE SOCIETY'S INDUSTRIAL AND ARCHITECTURAL ENGINEERING NEEDS	ISSUES OF FORMATION OF PROPER ASSESSMENT CRITERIA IN RELATION TO KNOWLEDGE AND BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS AT VARIOUS STAGES OF THEIR LIVES	OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL IDENTITY
Technical Science, Architecture and Construction	Educational sciences and Psychology	Philology
02-11.04	12-17.05	08-13.06
2 stage	2 stage	2 stage
CREATIVITY AS A PERSONAL SELF-EXPRESSION MECHANISM AND A WAY TO REVEAL THE LEVEL OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT	CORRELATION BETWEEN INDIVIDUAL AND COLLECTIVE NEEDS IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PROCESSES	CHRONIC AND INFECTIOUS HUMAN DISEASES, EPIZOOTIC OUTBREAKS AND EPIPHYTOSY AS THE RESULTS OF CHANGES IN CONDITIONS OF BIOLOGICAL LIFE AND THE MAJOR DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH
Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences
08-13.06	20-26.06	04-10.07
2 stage	2 stage	3 stage
CURRENT RESEARCH ON MATERIAL OBJECTS AND INTERACTION OF SUBSTANCES: EXPANDING THE LIMITS OF KNOWLEDGE AND DETERMINING THE FUTURE OF MANKIND	CURRENT PROBLEMS IN THE PROCESS OF MEETING THE EXPANDING DEMAND OF THE POPULATION FOR THE MODERN HIGH TECH PRODUCTS	PROBLEMS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN CONDITIONS OF MODERN REQUIREMENTS TO QUALITY OF EDUCATION AND THE LEVEL OF PROFESSIONAL SKILLS OF EXPERTS
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	Technical Science, Architecture and Construction	Educational sciences and Psychology
03-09.08	03-09.08	14-19.09
3 stage	3 stage	3 stage
RATIO BETWEEN THE ROLES OF AN INDICATOR OF SOCIAL CULTURE, INSTRUMENT OF COMMUNICATION, AND MECHANISM OF PRESERVATION AND TRANSFER OF INFORMATION IN MODERN LANGUAGE SYSTEMS	PHENOMENON OF MASS CULTURE AGAINST THE BACKGROUND OF EXPANSION OF LIBERAL PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT OF PERSONAL SELF-EXPRESSION FORMS	ORGANIC COMBINATION OF SOCIAL PARTNERSHIP AND INDIVIDUAL IDENTITY AS THE MAIN FACTOR IN ENSURING THE SELF-PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE SOCIETY
Philology	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences
10-16.10	10-16.10	24-31.10

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>